

❖ БИБЛИОТЕКА ❖
ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Проф. Вл. А. Пархоменко

У ИСТОКОВ
РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1924

Лео

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Проф. Вл. А. ПАРХОМЕНКО

У ИСТОКОВ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

(VIII — XI в.в.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1924

Настоящая работа стоит в связи с напечатанной нами в 1913 г. в г. Полтаве книгой — «Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX — X в.в.» — и со статьями, печатавшимися в «Известиях Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук» с 1913 г. По сравнению с теми работами, эта — дальнейший этап по изучению древнейшей жизни Восточного Славянства и проникновению в нее. Как видит читатель, дальнейший шаг на этом пути сопровождается изменением некоторых суждений по затронутому вопросу. Но это отнюдь не знаменует собою отказа от принятого направления: идя по тому же пути и вглядываясь в далекую глубь веков, замечаешь порою, что некоторые силуэты имеют несколько иные очертания по сравнению с казавшимися прежде. По-прежнему автором руководило стремление пояснее представить себе темный лик далекого прошлого, столь важного для уяснения всей дальнейшей истории Восточной Европы. Тут по-прежнему приходилось иметь столкновение с гипотезой норманизма. Как ни стара эта гипотеза, — хотя бы она вела свое происхождение от XI в., — как ни поддерживается она наукой, — все же она только гипотеза, которую все еще нужно доказывать и подтверждать и которую, конечно, ни в каком случае не нужно полагать в основу всего изучения древней жизни Восточного Славянства. Некоторого влияния норманизма на жизнь древней Руси никто не станет отрицать, но нельзя уменьшать значения других действовавших тогда исторических факторов: не следует для объяснения неясных и необследованных фактов и явлений древнерусской жизни прибегать непременно к помощи норманизма, в нем видеть альфу и омегу государственности древней Руси. Данная работа представляет собой попытку рассмотреть вопрос о начале государственности у Восточных Славян с сосредоточением внимания на факторах, действовавших на образование нашей государственности раньше норманизма и помимо него. Таким образом, думается, старый спор норманистов и антинорманистов есть возможность перенести в иную плоскость и тем ослабить его напряженность. Настоящее время, правда, еще не может быть названо особенно благоприятным для создания вполне ясной и определенной картины жизни Восточной Европы в эпоху VIII — XI в.в., но научной литера-

туре последнего времени, благодаря изысканиям в различных отраслях научного знания, принадлежит честь значительного приближения к тому. В этом отношении прежде всего надлежит помянуть научные заслуги незабвенного академика А. А. Шахматова, ученые изыскания коего являются необходимым условием для появления работ, подобных данной.

I.

«Откуда есть пошла Русская земля»? Этот вопрос древнерусского книжника донныне не утратил своей жгучести и пререкаемости в ответах на него. В самом деле,—с чего начинать русскую историю, или, выражаясь точнее, историю Восточного Славянства, какой мы можем найти в ней первичный несомненно исторический факт?—Теперь решительно невозможно уже, как это принято было обычно раньше, начинать ее с 862 года и призвания князей Варяго-Руссов. Во-первых, из ряда письменных источников известно, что имя Руси и на территории именно Восточной Европы существовало раньше 862 года ¹⁾; во-вторых, летописная хронология IX—первой половины X в. совершенно недостоверна ²⁾; в-третьих, событие из жизни Новгорода и ближайших к нему славяно-финских племен северо-западного угла территории Восточной Европы есть, конечно, лишь факт местной, а не общерусской жизни,—и тогда уже протянувшейся далеко на юг—до Черного и Азовского морей и гор Западного Предкавказья,—и, как таковой, не мог иметь существенного, решающего значения для истории всего Восточного Славянства, в лице Кия и других племенных князей знакомого уже с княжеской властью ранее Рюрика,—в лучшем случае это второстепенный факт русской истории: в-четвертых, рассказ о призвании варяго-русских князей не находит себе, помимо нашей летописи, нигде исторического подтверждения, в летопись занесен спустя приблизительно 200—250 лет после того момента, к какому приурочивается самый факт, и носит на себе все черты предания неясного, легендарного, даже тенденциозного, при том спаявшего воедино несколько различных местных преданий ³⁾. На последнем вопросе необходимо несколько остановиться. Вообще, по наблюдениям А. А. Шахматова, наши летописи «пристрастно

¹⁾ Факты приводятся ниже во второй главе.

²⁾ См. главным образом в исследованиях Шахматова—в статьях «ЖМНПР» 1897 г. и в «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» Спб., 1908 г. и др.

³⁾ В упом. «Разысканиях»... Шахматова, стр. 291—292, 312—314 и др.

освещали современные события: рукой летописца управлял в большинстве случаев не высокий идеал далекого от жизни и мирской суеты благочестивого отшельника, умеющего дать правдивую оценку событиям, развертывающимся вокруг него, и лицам, руководящим этими событиями, — оценку религиозного мыслителя, чающего водворения царства божия в земельной юдоли, — рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»¹⁾. При выясненной (трудами А. А. Шахматова и др. ученых) наклонности наших летописных сводчиков к тенденциозному, под определенным углом зрения, освещению событий и явлений русской исторической жизни и явно заметном в летописях отражении духа времени, станет понятным, что в конце XI — в начале XII в.в., в пору развития на Руси византийских идей и вместе с тем постоянных княжеских междуусобий среди членов Киевской династии и расчлененности Восточного Славянства на обособляющиеся части, монахи-летописцы, проникнутые вновь воспринятыми византийскими церковно-монархическими идеями и мыслью о Русской земле, как едином целом, при свете читавшейся ими переводной литературы, среди народных преданий и возможных записей настойчиво разыскивали и приспособляли к летописной передаче такие именно, кои удобнее могли бы быть прилажены к идее единого русского государства, объединяемого единой княжеской династией²⁾. Для киевлянина в данном случае удобнее было оперировать с данными предания чужого — новгородского, которое к тому же нужно было так или иначе приспособить к преданиям местным — южным, спаять более или менее в органическое целое. Возможно ли объединение совершенно обособленных преданий Севера и Юга через посредство Новгорода и его соседей — Балтийских Норманов? Эта проблема нужна при решении вопроса о начале русского государства. По этому направлению шла мысль любознательного Киевского книжника XI — XII (нач.) века еще и потому, что киевлянам в XI в. приходилось наблюдать происходившее в это время настойчивое, полузавоевательное, во всяком случае военное и покровительствуемое киевской княжеской династией (породнившейся со скандинавскими и нередко на Норманов опиравшейся (движение скандинавских Норманов от Балтийского моря через Новгород к Днепру и Киеву и далее на юг по варяго-греческому пути. Так как их значение в эту эпоху — в военно-торговой и социальной жизни Киева, то он от современности, по аналогии, легко и просто делал заключение к темному прошлому. Таким образом старые неясные предания получали

¹⁾ «Повесть временных лет» Шахматова, Птгр., 1916 г., стр. XVI и вообще XV — XVIII.

²⁾ См. «Разыскания о древн. русских летописных сводах», стр. 293, 316 и др.

окраску более поздних фактов ¹⁾). В данном случае сказало-сь также влияние столь любимой нашими летописцами греческой хроники Георгия Амартола и его продолжателя, у которого наш летописец прочел такую догадку о Русах: «Οἱ Ῥῶς... οἱ ἐκ τοῦ γένους Φράγγων καθίστανται». Эта догадка продолжателя Амартола (в тогдашней литературе далеко не единственная) и дала определенное направление ходу мыслей летописца, находившегося под влиянием идеи единой Руси и допытывавшегося, откуда произошла киевская династия и в связи с нею Киевско-русское государство. На фабулу рассказа оказал также свое влияние — благодаря тогдашним международным связям проникший в Киев с Запада — легендарный мотив призвания трех братьев на княжение ²⁾). Затем, изучение древне-русской письменности и наблюдение отчасти над самими летописями склоняют к убеждению, что в XI в. в Киевской Руси не знали о Рюрике, его призвании на княжение и какой-либо связи его с тогдашней киевской династией ³⁾; между тем позднейшие летописные своды распространяются о нем со значительными подробностями явно вымышленного характера ⁴⁾). Наконец, самое имя Новгорода, как нового города, и история его постепенного возвышения в XI—XII в.в., отсутствие о нем данных до 970 года, самая комбинация призывающих князей славяно-финских племен и т. п. заставляет усумниться в возможности начала русской государственности на столь далеком от культурных центров севере. Таким образом, есть ряд оснований отнести совершенно скептически к летописному повествованию о призвании на княжение Рюрика, в смысле принятия такового за сообщение о начале русского государства в 862 г., и поставить этот северный легендарный эпизод ⁵⁾ рядом по историческому значению с южным летописным преданием о Кие, явная легендарность и историческая неизначальность коего обычно признается.

¹⁾ Срвн. «Разыскания», стр. 480 — 481, 489 и др.

²⁾ Сопоставьте данные из 3-го вып. «Датско-русских исследований» К. Ф. Тиандера, Птгр. 1915 г., и статьи П. М. Бицилли — «Западное влияние на Руси и начальная летопись», отт., Одесса, 1914 г., сравни «Нестор» Шлецера по переводу 1809 г., Спб., стр. 272, 338, 349 — 356 и др.

³⁾ Главным образом, показание М. Илариона и Якова Мниха, — срвн. данные соображения в ст. М. П. Ламбина — «Источник летописного сказания о происхождении Руси», «ЖМНПР» 1874 г., июль, стр. 83 — 89, также «Разыскания» Шахматова, стр. 313 — 314, 316 — 317 и др.

⁴⁾ См. также иссл. Шахматова — «Сказание о призвании варягов», Спб., 1904 г., ст. П. В. Голубовского — «Универс. Изв.», 1907 г. № 8, «Критико-библиограф. обзор трудов по древ. пер. русск. ист.», стр. 48 — 58.

⁵⁾ О возможной хронологии его см. ниже.

II.

В таком случае выступает пред нами ряд иностранных свидетельств, дающих сведения о Руси до 862 г.: сообщения Сурожской и Амастридской житийных легенд о набегах Руси на местности по черноморским берегам—эпохи, как многие полагают, IX в. и даже первой его половины¹⁾, — затем совершенно определенные и несомненные греческие показания о походе Руси на Царьград в 860 г.²⁾ и, наконец, свидетельство Бертинских анналов о посольстве Руси в Ингельгейме у франкского короля Людовика Благочестивого в 839 г. Однако, и к этим весьма ценным данным надо подходить осторожно: показания первых двух источников, интересные по существу, не носят на себе печати точной хронологической датировки и в этом смысле, при некоторой неясности самих данных, вызывают разногласия в оценке и приурочении их к вполне определенному месту и времени³⁾. Византийские данные о походе Руси 860 года, хотя и вполне достоверны, в виду чужеземности авторов сообщений о Руси и краткости таковых—сами по себе в известной степени нуждаются в расшифровании их, а именно—что за Русь здесь имеется в виду, откуда она проникла в Византию и пр. Что же касается упоминания о Руси Бертинской летописи, то по самому характеру своему оно отнюдь не должно особенно увлекать ученых и давать им путеводную нить для широких выводов⁴⁾: оно слишком кратко, темно, брошено вскользь в отрывочной летописной записи отдаленного от Руси

1) См. в «Русско-византийских исследованиях» В. Г. Васильевского, С.-Петербург, 1893 г., также в ст. Ф. Вестберга в 14 т. «Византийского Временника» и др.

2) Фотий, Синописис Хроники, продолжатель Феофана.

3) Срвн. упомянутые работы Васильевского и Вестберга, а также—Шахматова «Корсунская легенда», Спб., 1906 г., Х. М. Лопарева—«Греческие жития святых VIII—IX в.в.», Пгр. 1913 г., в ст. П. В. Безобразова—«ЖМНПР» 1915 г., август.

4) Срвн. таковые у Шахматова—«Начальный период древнейшей истории русского языка», II—I вып. «Энциклопедии славянской филологии», Птгр. 1915, стр. XXVIII, «Введение в курс истории русского языка», Птгр., 1916 г., стр. 69, «Древнейшие судьбы русского племени», Птгр. 1919 г., стр. 57--58.

народа, стоит особняком от других известий, в настоящем своем виде вызывает недоумения¹⁾ и создает по своему адресу разнообразные до противоположности толкования и предположения²⁾.—Есть затем еще ряд свидетельств о Руси IX—X в. в. арабско-мусульманских писателей, очень важных и интересных, но неясных самих по себе, понятных лишь при внимательном сопоставлении друг с другом и, главным образом, при сближении с русскими летописными показаниями и дающих при том сведения слишком общего характера³⁾. Еще темнее их и менее прочны в смысле извлечения из них точных исторических данных легендарно-поэтические показания исландско-скандинавских саг, не могущих играть крупной роли самостоятельных источников для истории древнейшей Руси, хотя и не лишенных в этом смысле своего относительного значения⁴⁾.—Вообще все эти отмеченные иностранные свидетельства в большей или меньшей степени отличаются неясностью, недоговоренностью, весьма нередко лишь приблизительностью сообщаемых сведений, не лишены порою домыслов и догадок, ценность коих тем меньше, чем дальше от Руси жили авторы их. Так, например, в то время соседей Руси интересовал вопрос, что такое Русь, какой она народности, каково ее происхождение, но мы видим, что писатели того времени (IX—X в. в.) на этот вопрос давали самые разнообразные, друг другу противоречащие, порою неопределенные ответы: известный восточный путешественник и писатель Ибн-Хордадбег признал Русь племенем славянским⁵⁾, а византийцы прилагали к Руси неопределенные наименования—то варягов (как продолжатель Амартола), то—тавроскифов (как Лев Диакон), отдаленный же от Руси западный хронист, автор Бертинских анналов, причислил Русь прямо к свеонамшведам⁶⁾.—При таком положении вещей свидетельства совре-

1) «Русь, соседняя с Византией, имеет во главе себя «хакана» и вместе причисляется к «Свеонам»,—кроме отдаленности тут очевидно имела значение и сбивчивость географических понятий того времени.

2) Срвн. например с соображениями Шахматова—обратные им у проф. Н. П. Загоскина в I-м т. его «Истории права русского народа», Казань, 1899 г. стр. 340—342, также у Геденова в его книге «Варяги и Русь», Спб. 1876 и др.

3) На русском языке их см. у А. Я. Гаркави «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских», Спб., 1870 г., у Д. А. Хвольсона «Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста», Спб., 1869 г., также в работах Вестберга, Дорна, Григорьева, Куника, Розена, Туманского.

4) См. «Antiquités Russes», Копенгаген, 1850—1852 г.г., в перев. на русск. яз.—Сабинин «Русск. Истор. Сборник», т. 4, Спб., 1840 г., 25 вып. «Русск. класс. библиот.» Чудинова, Спб., 1875 г., О. И. Сенковский—«Библиотека для чтения»—1834 г., в работе К. Ф. Тиандера—«Северные поездки скандинавов в Белое море», Спб., 1906 г., в работах И. В. Шаровольского—«Унив. Изв.» и др.

5) В упом. кн. Гаркави, стр. 49.

6) Если только не испорчен в данном случае самый текст летописи,—срвн. уп. кн. проф. Загоскина.

менников-иностранцев самостоятельного значения в качестве русских исторических источников иметь не могут: они имеют значение лишь в той мере, поскольку подтверждают и дополняют отечественные памятники, но сами по себе ключа к истории Руси не дают. Прежде всего они, конечно, весьма важны для нас в том отношении, что дают несомненное право начинать историю Руси с IX-го столетия, никак не позже начала его, а скорее—еще в восьмом веке искать начала Руси, как какого-то более или менее определенного организма, выступающего с начала IX века с данным именем на исторической арене и уже в это раннее время вызывающего к себе внимание соседей. Таким образом иностранные сообщения сами по себе дают лишь фон той картине древнейшей исторической жизни Руси, которая рисуется нам прежде всего нашей летописью вообще—в связи с показаниями других произведений древнерусской письменности, а также—с данными истории языка и археологическими находками, постепенно все более умножающими культурно-бытовые остатки нашей глубокой древности и тем способствующими продвижению наших знаний о древней Руси все дальше в глубь веков. Но главнейшим нашим источником остается все же наша Начальная летопись, ныне все лучше и больше узнаваемая во всем своем богатстве сводов, редакций и списков¹⁾. В летописи поэтому мы должны искать указания, на начальный исторический факт из жизни Руси, разумеется, с применением к ее тексту тщательного критического анализа.

¹⁾ В этом отношении особенно ценны научные изыскания А. А. Шахматова и особенно его «Разыскания о древн. русск-летоп. сводах», Спб., 1908 г.

III.

Вглядываясь в показания нашей летописи о древнейшем периоде жизни Руси, относимые ею к IX в., мы должны остановить свое внимание на одном из них, говорящем о явлении, общем для всего Восточного Славянства, совершенно ясном и определенном, длительно продолжавшемся, по самому существу своему долженствовавшем упредить прочие известные из летописи факты нашей древнейшей истории и самой летописью отнесенном ко времени раннейшему пресловутого 862 года. Это — свидетельство летописной «Повести временных лет» под 859-м (6367) годом, гласящее так: «Имаху дань Варязи, приходяще из замория, на Чюди и на Словенех, и на Мери, и на Веси, и на Кривичах, а Козаре имаху на Полянех и на Северех и на Вятичих»¹⁾. Свидетельство это кратко, но выразительно и богато содержанием; в начальный момент истории Восточного Славянства оно указывает две группы русско-славянских племен, друг от друга обособленные географически и, видимо, культурно-экономически, констатирует у них различие политико-экономических связей и отношений, а с другой стороны — ряд племен каждой из этих двух групп между собою объединяет, отмечая спаивающие их общие интересы и связи. Конечно, хронологическая цифра — 859 г. — тут совершенно случайна, но общая мысль летописца ясна и исторически правдоподобна. — Получаем, таким образом, вполне определенное летописное показание о наличии у русско-славянских племен в изначальную эпоху их исторического бытия двух отдельных политико-экономико-культурных племенных союзов. Северные племена Новгородских Славян и Кривичей объединяются с финскими племенами Чуди, Мери и Веси в одну политическую организацию, вызванную взаимоотношениями их с «Варягами из замория» — очевидно, скандинавскими Норманами²⁾, — то даунической зависимостью

¹⁾ Лаврентьевский и сродные летописные списки, срвн. стр. 18—19 упом. иссл. Шахматова «Повесть временных лет».

²⁾ «Варяги из замория» чаще и естественнее всего понимаются именно в смысле Скандинавов; попытке увидеть в них балтийских славян менее посчастливилось в науке, хотя связи последних с данной группой восточного славянства вполне вероятны (Срвн. ст. Н. М. Пе-

от них, то совместною борьбою¹⁾; дальнейший рассказ лета 862 о призвании ими Рюрика с братьями есть не больше как один из второстепенных эпизодов истории более или менее длительного в ту (приблизительно) эпоху взаимоотношения этой группы племен с Норманами (осложненный, как мы выше видели, чертами легендарно-тенденциозной окраски). Летопись подчеркивает военно-даннический характер этих взаимоотношений, не говоря о культурно-экономической связи, хотя последняя вытекала из первого и в известной мере существовала, о чем говорят данные археологических раскопок²⁾; тем не менее преобладание первого поддается самым характером удаленных от тогдашних культурных центров, грубых Норманов³⁾, которые, правда, испытывали уже в эпоху IX в. культурно-экономическое восточно-арабское влияние⁴⁾, но — чрез ряд посредств и в довольно слабой степени. — Соответственно роли Норманов на северо-западе, на другом конце русской территории — на юго-востоке — на другую группу русско-славянских племен имели господствующее влияние «Хозаре», но значение их тут было несколько иное. Летопись умалчивает о военных причинах и поводах наложения дани Хозарами на соседние русско-славянские племена, которые, по свидетельству летописи в другом месте, «сдумавше вдаша дань» Хозарам. В соответствии с данным летописным указанием самый характер торгового хозарского царства, достигшего в VIII — IX в. в. значительного культурно-экономического процветания⁵⁾, говорит за то, что связи его с нашими Полянами, Северянами и Вятичами носили по преиму-

тровского «о Новгородских словенах» — «Изв. отд. русск. яз. и слов. Росс. Акад. Наук», т. XXV, Птгр., 1922 г., стр. 356 — 389); что касается самого термина «Варяги», то оно по древне-русскому словоупотреблению обозначало вообще иностранцев (от «франков»), — срвн. «Введение в курс ист. русск. яз.» Шахматова, Птгр. 1916 г., стр. 62, 67.

1) См. вслед за сим показание летописи под летом 862 — 6370 «Изгнаша Варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами себе владети».

2) См. например, у Н. Бранденбурга «Курганы южного Приладожья» — № 18 «Материалов по археологии России», Спб., 1895 г. и др.

3) Срв. средневековую молитву — «A furore Normannorum libera nos, Domine».

4) См. Т. Арне «За Suède et l'Orient», Упсала, 1914 г., также в ст. К. Ф. Тиандера «Город Бирка» — «ЖМНПР», 1910 г., июнь, и др.

5) См. в упом. книгах Гаркави и Хвольсона, у В. В. Григорьева «Россия и Азия», Спб., 1876 г., И. Маркварт «Ost-europäische und ostasiatische Streifzüge», Лейпциг, 1903 г., стр. 1 — 27, 270 — 305, в ст. П. В. Голубовского «Болгары и Хозары», «Киевская Старина» 1888 г., июль, в «Исторической Географии» С. М. Середонина, Птгр., 1916, стр. 97 — 106, у В. В. Святловского — «Примитивно-торговое государство, как формы быта» Спб., 1914 г. стр. 202 — 217, у Г. Ф. Кутчера «Die Chasagen», Вена, 1910, 2 изд., у Е. А. Загоровского «Очерк истории Северного Причерноморья», Одесса 1922 г., в ст. Ю. Бруцкуса в «Еврейск. мысли» 1922 г., также у М. Грушевского, Дорна и др.

шеству культурно-экономический характер, а также, видимо, указывает на географическую близость первоначального поселения этих племен от Хозар, кои, сколько известно, не играли в истории роли завоевателей далеких стран и отдаленных племен ¹⁾ и устремляли свои интересы и домогательства преимущественно к Волге, Кавказу, Крыму и Каспийскому морю, т.-е. влеклись к югу и юго-востоку ²⁾. Данное весьма знаменательное свидетельство «Повести временных лет» 859 года подтверждает и старейшая сохранившаяся летописная редакция — «Начальный свод», появившийся около 1095 года ³⁾, — здесь такого сообщения в полном виде мы не найдем, но сводчиком также ясно намечаются эти же две группы русско-славянских племен, друг от друга обособленные, и указывается изначальная связь одних с финскими племенами и варягами, и других — с хозарами, при чем первоначальная история каждой из этих двух племенных групп — северной и южной — излагается совершенно отдельно, вне всякой взаимной связи. — Итак, по летописному удостоверению, в северо-западную группу, которую, по тесным связям с соседями, можно назвать финско-норманской, входили: Ильменско-Новгородские или Ладожско-Ильменские Словене и Кривичи; вторую группу, хозарскую по политико-культурно-экономическому влиянию, и очевидно, юго-восточную по своему географическому положению, образовывали: Поляне, Северяне и Вятичи, к которым в другом месте «Повесть временных лет» присоединяет отдаленных (в историческое время) Радимичей, говоря в известии 885 года (6393) о платеже ими также дани хозарам, а также в другом месте сближая Радимичей с Вятичами и Северянами в тексте — «А Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху...» ⁴⁾.

¹⁾ Срв. общие соображения в книге М. И. Ростовцева «Эллинизмо и Иранство на юге России», Птгр., 1918 г. — о том, что завоевательные движения на север конным степнякам были не под силу» (стр. 5).

²⁾ Но никак не к Днепру, где, как увидим дальше, первоначально жили другие племена, не подчинявшиеся Хозарам, и где господствовали иные влияния.

³⁾ В данном случае всецело принимаем точку зрения Шахматова, см. его работы — «о Начальном летописном своде» — «Чтения в Имп. Общ. Ист. и Древн. России», 1897 г., 3 кн., и отд. отт., «Разыскания о древн. русск. сводах» и др., печатный текст сохранившейся части свода — см. «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку», изд. Археогр. Ком., Спб., 1888 г., — вопреки В. М. Истрину.

⁴⁾ Подробнее об этом см. ниже.

IV.

Из приведенного перечисления племен, в эпоху около IX в. распределенных летописью на две группы, видно, что вне этих групп осталось несколько восточно-славянских племен, упоминаемых летописью в других местах, но не включенных ею ни в одну из указанных групп. Если относительно некоторых из них умолчание летописи можно объяснить отсутствием определенных преданий и вообще сведений о жизни их за это отдаленное время, то о двух из таких обойденных в данном случае вниманием летописца племен этого допустить решительно нельзя: это — Древляне и Уличи, о которых как раз за данное раннее время летопись приводит ряд известий. Из сопоставлений летописных данных мы получаем определенное представление, что летописец сознательно, на основании имевшихся у него сведений, поставил Древлян и Уличей вне указанных выше двух племенных групп. В известиях за IX в. и начало X-го летописцы неоднократно и вполне определенными штрихами отмечают Древлян и Уличей и, отнюдь не сближая их ни с одной из двух указанных племенных групп, ясно свидетельствуют о происходившей на заре нашей истории длительной, вековой борьбе Древлян и Уличей против одного общего врага — Полян, входивших, как мы видели, в хозарскую племенную группу. Так, еще в древнейшую эпоху, какую только помнило летописное предание и которую оно связывало с временем основания Киева, Поляне, по летописным припоминаниям, «быша обидимы Древляны», при чем данное сообщение непосредственно связывается с тем фактом, что основатели Киева — «братия сии изгибоша»¹⁾. Упомянув затем вскользь о появлении у Полян (после вставки о Хозарах) двух «владеющих» ими князей Аскольда и Дира (также вскользь, без всяких пояснений конкретными данными, названных просто

¹⁾ См. текст «Начального свода» по упом. «Новгород. летоп. Синод. харат. сп.», — срв. летописный текст XVII в. у М. Г. Халанского в его «Экскурсах в область древних рукописей»... «Труды Харьковск. предварит. Комитета по устройству XII Археологического съезда», т. I, Харьков, 1902 г., стр. 413 и др.

«варягами»), Начальный свод сразу же добавляет — «и беша ратнии с Древляны и с Уличи». Засим о киево-полянском князе Игоре «Начальный свод» говорит: «и воюя на Древляны и на Угличе» ¹⁾, и далее повествует о взятии Игорем после трехлетней осады крепости Уличей Пересечна, о переселении в связи с этим Уличей с нижнего Днепра на запад — «межи Бог и Днестр» и потом о гибели того же Игоря в борьбе с Древлянами и о продолжении этой борьбы преемниками Игоря — Ольгой и Святославом, при чем события этой борьбы с 945 года излагаются также и в «Повести временных лет», содержащей кроме того в известиях под 884 и 885 г. сообщения о «рати» Олега с Уличами и Древлянами. — Таким образом, по летописному указанию, занимая место своего поселения на нижнем Днестре и западнее среднего Днепра, Древляне и Уличи с одной стороны были географически удалены от северо-западной группы Словен и Кривичей промежуточными, разделявшими их племенами, а с другой стороны — соприкосновение их с наиболее западным племенем юго-восточной хозарской группы, Полянами, летописью представляется в виде изначальной, вековой, беспощадной борьбы, имевшей, конечно, в основе своей не случайные, а серьезные причины ²⁾. Отсюда естественно заключить, что, очевидно, Древляне и Уличи достаточно заметно обособлялись от других племен, в частности от географически более близкой хозарской племенной группы, и это обособление и отмеченный летописью антагонизм с Полянами, как частью определенной хозарской племенной группы, общности по существу происхождения и языка, может быть объяснен только различием в ближайшее перед этим время (очевидно, начиная не позже VIII в.) культурных на них влияний и экономических связей. Значит, летописные данные позволяют нам в лице Древлян и Уличей видеть новую, третью по счету, племенную группу восточно-славянских племен начального периода их исторического бытия. Эта группа географически является юго-западной, ибо «Начальный свод» первоначальное поселение Уличей указывает — «по Днепру вниз» ³⁾, а затем, по передвижении, на территории «межи Бог и Днестр», обитание же древлян «Начальный свод» указывает, говоря вообще, вблизи Киева, в соответствии с чем и «Повесть временных лет» вначале помещает их у Днепра, что видно из следующих слов ее введения: «Словене прешедше, седоша по Днепру, и

¹⁾ Уличи и Угличи обычно отождествляются, — см., например, у Шахматова — «Введение в курс истории русск. яз.», «Древнейшие судьбы русского племени» и др.

²⁾ Срвн. в «Исторической Географии» Середонина, Птгр. 1916 г., стр. 146, 132.

³⁾ «Оли до моря» добавляет «Повесть временных лет», — срв. 97 стр. «Введение в курс истории русск. яз.» Шахматова.

нарекошася Поляне, а друзии Древляне»¹⁾. Что же касается культурно-экономических влияний и связей, то Древлянам и Уличам естественнее всего было подпасть под влияние со стороны Дунайской Болгарии; в IX и начале X-го в.в., в пору своего расцвета, имевшей свое значение на Днепровской территории²⁾, а также — ближайших северо-черноморских византийских колоний и отчасти самой Византии, издавна имевшей связь с Днепром.

¹⁾ Между тем как, перечисляя в данном случае места поселения племен, летопись для каждого из них указывает особую реку, при которой они обитали; для Древлян и Полян летописный текст указывает одну общую реку Днепр.

²⁾ См. X т. «Известий Русского Археологического Института в Константинополе», София, 1905 г., стр. 213—214, также в статье П. Н. Милюкова в 3 т. «Трудов VIII Археологического съезда», Москва, 1897 г., стр. 278—289.

У.

Итак, мы имеем летописное указание на существование на заре истории Восточного Славянства трех племенных его групп, друг от друга обособившихся. Хотя не все племена распределены летописью между отмеченными тремя группами, тем не менее нет никаких летописных указаний на существование какой-либо четвертой группы¹⁾. А. А. Шахматов, своими изысканиями, как увидим, так много сделавший для уяснения вопроса об этих трех племенных группах²⁾, тем не менее по существу указывал еще и на четвертую племенную группу — западного, ляхского происхождения, отнеся к таковой Радимичей, а в самое последнее время, вопреки всем своим прежним исследованиям, и Вятичей³⁾. Но против положения Шахматова об отделении, под влиянием движения на восток разбитых Карлом Великим Аваров, от ляхских племен Радимичей и Вятичей и передвижении их в начале IX-го в. на восток⁴⁾ можно поставить такие возражения: 1) время это исторически довольно позднее, а данных в источниках, подтверждающих эту гипотезу, нет; 2) летописная традиция (предание) о происхождении Вятичей и Радимичей от двух братьев из ляхов — Вятка и Радима — явно легендарна и ономастична, между тем она решительно противоречит определенному летописному свидетельству о дани Вятичей и Радимичей юго-восточным хозарам и при том в раннее время, ибо последние в IX в. переживали уже пору своего политического упадка⁵⁾; 3) историко-географически чрезвычайно трудно допустить столь далекое передвижение с запада на восток Вятичей — очевидно по сложным речным путям, ибо прямого пути на Оку с запада

1) Проф. Ф. И. Шмит в своей книге — «Искусство древней Руси — Украины», Харьков, 1919 г., стр. 9 — 10, указывает 4 комплекса восточно-славянских племен, но, как увидим дальше, он напрасно разъединяет волжско-окские племена от приазовских.

2) Об этом см. ниже.

3) «Древнейшие судьбы русского племени», Птгр., 1919 г., стр. 24 — 25. 37 — 39, 64.

4) Там же.

5) Об этом см. ниже, — срвн. в упом. брошюре Шахматова стр. 41, во «Введении в курс истории русск. яз.», стр. 58 — 59.

указать нельзя — и возможность движения их на восток с Радимичами, в связи с хозарской данью, и затем возвращения не позже середины X-го в. Радимичей к Сожу ¹⁾; 4) следы географической номенклатуры указывают на движение Радимичей именно с востока к Сожу, ибо таковые доходят до Десны, Оки и Курской губернии ²⁾; 5) близость археологических памятников Радимичей и Вятичей с северянскими ³⁾, что соответствует летописному указанию на «один обычай» этих трех племен; 6) возможность иного, чисто географического объяснения в данном случае термина «ляхи» от «ляда», предложенного А. И. Соболевским ⁴⁾, при смешении тут летописью названия, явившегося следом прежнего места поселения Вятичей и Радимичей, с западно-славянским племенным именем ⁵⁾. Вообще по летописям заметны большая осведомленность и наличность интереса у летописцев в отношении одних восточно-славянских племен в ущерб другим; явление это, обусловливаемое заметными местными симпатиями летописцев и только отчасти степенью значения тех или других племен в обще-исторической жизни, сказалось и в данном распределении летописью племен по группам, и в умолчаниях ее на этот счет. Иногда летопись дает возможность легко догадаться относительно принадлежности не указанного ею прямо племени к определенной группе, — это можно прежде всего сказать о Тиверцах, объединяемых «Повестью временных лет» с Уличами ⁶⁾; сюда же, по всей видимости, должны быть отнесены, судя по указанному месту жительства их, загадочные «Лензенины» Константина Багрянородного ⁷⁾. Относительно группировки других племен по летописным данным высказаться гораздо труднее, — нужны другие подкрепляющие свидетельства; при том существуют сомнения, действительно ли некоторые летописные племена были особыми, сколько-

¹⁾ Срвн. в упом. «Введении в курс истории Русск. Яз.», стр. 58 — 59, 101 — 102.

²⁾ См. у Барсова — «Очерки русской исторической географии», Варшава, 1873 г., стр. 134.

³⁾ См. в ст. А. А. Спицына — «ЖМНПР» 1899 г., август, его же «Русская историческая география», Птрг. 1917 г., стр. 22 и др.

⁴⁾ См. в его ст. «ЖМНПР» 1906 г., ноябрь, стр. 195, — «лях» в смысле жителя поросшей мелким лесом или кустарником страны.

⁵⁾ Вообще по поводу этих предположений Шахматова срвн. замечание в XXV т. «Известий отд. русск. яз. и слов. Росс. Академии Наук», Птгр., 1922 г., в ст. Ю. В. Готье, стр. 280. и в нашей статье, стр. 483.

⁶⁾ «Уличи и Тиверци сядяху по Днестру и присидяху к Дунаеви. И бе множество их: сядяху бо прежде по Богу и по Днепру оли до моря, и суть гради их и до сего дня, да то ся зваху от Грек Великая Скуфь»; см. текст Ипатьевского списка, срвн. в книге Шахматова «Повесть временных лет», стр. 12.

⁷⁾ В его книге «О народах», перевод Г. Ласкина в «Чтениях И. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1899, кн. I, гл. 37, срвн. у Длугоша — Luczanie.

нибудь определенными племенами ¹⁾. Таким образом у нас определяется на основе летописных данных три племенных группы восточного славянства. Давая показания о подобном разделении восточного славянства в эпоху приблизительно IX-го в. на три группы, летописи, к сожалению, не приводят подробной и вполне определенной характеристики взаимных отношений между собою отдельных членов каждой из племенных групп, — для уяснения их летописью даются очень скудные сведения. Прежде всего, как отмечалось уже, между участниками каждой из групп необходимо мыслится связь географической близости, соседственного соприкосновения, каковое, при единстве национального происхождения, естественно предполагает общность быта и языка — наречия; затем летопись отмечает единство политическо-военных целей и интересов, каковые указываются для северо-западной группы — в отношениях их к заморским, балтийским «Варягам», для юго-восточной — в связи их с Хозарами, для юго-западной — в известный момент в общей борьбе с Полянами; из летописных сказаний можно заключать и об общности для каждой из групп культурно-экономических влияний и связей, подтверждение чего увидим из других данных. Итак, уже летопись наша дает основание заметить в самую раннюю пору нашей истории разделение восточно-славянских племен на три части, из которых каждая составляется из нескольких летописных племен или скорее — из предков позже выяснившихся, определенных племен, представляет собою до известной степени нечто целое, объединенное, организованное. Но для достаточного уяснения этого весьма важного исторического явления, обычно игнорируемого, в дополнение к отрывочным летописным показаниям нам нужны еще и другие данные, подтверждающие и подробнее раскрывающие сказанное летописью. По счастью для науки, летопись наша не стоит в данном случае одиноко — ее поддерживают другие свидетели, не менее почтенные по возрасту.

¹⁾ См., например, о Дреговичах в Историч. Географии Середонина, стр. 135 — 137; сомнения С. М. Середонина относительно некоторых других племен менее основательны, а общий вывод его, будто «из местных названий XI в. летопись сделала «племена» восточного славянства» (стр. 152), явно противоречит летописным данным о таких имевших определенную историческую физиономию племенах, как Уличи, Древляне, Вятичи, Радимичи.

VI.

Есть письменные свидетельства современников, которые со всей определенностью и ясностью говорят о разделении древнейшей Руси на три племени. Свидетельства эти восходят к IX-му—X-му в.в. и принадлежат арабско-мусульманским писателям: аль - Джайгани, аль - Истахри, Ибн - Хаукаль, аль - Балхи (предполагаемому), при чем источник, лежащий в основе этих известий, как полагают, произошел в середине IX в.¹⁾ Правда, в данном случае говорится о племенах «Руси», а не восточных славян, и преобладающее количество ученых на арабских показаниях строят теорию об обособленности славян и Руси, но, не останавливаясь особенно подробно на этом вопросе²⁾, укажем лишь следующее: 1) арабские писатели несомненно нередко смешивают Руссов со славянами, а Ибн-Хордадбег даже прямо говорит, что Руссы «суть племя из славян»³⁾; 2) Масуди говорит о «многих народах» у Руссов⁴⁾, что, конечно, не может быть относимо к тем небольшим норманским дружинам, какие появлялись на реках Восточной Европы, а понятно лишь в смысле такого или иного смешения Руссов со славянами; 3) важен тот факт, что и наши летописцы из преданий глубокой древности, и арабские писатели из показаний современных купцов и путешественников по Восточной Европе вынесли сходное представление о трех основных племенных образованиях у народа, который, будучи славянским по происхождению, по тем или иным причинам усвоил себе имя Руси, — независимо от вопроса о происхождении этого термина. — Данное восточное свидетельство, говорящее о трех «племенах» Руси, отнюдь не противоречит летописному представлению о трех племенных группах, из коих каждая включает в себя несколько племен, ибо, во-первых, показания данных мусульманских писателей следует сопо-

1) И. Маркварт «Osteuropäische und ostasiatische Straifzüge», Лейпциг, 1903 г., стр. XXVII—XXXI, срвн. — «Киевская Русь» М. С. Грушевского, Спб., 1911 г., стр. 229 и др.

2) Об этом см. отчасти ниже, а также в нашей книге «Начало христианства Руси», Полтава, 1913 г.

3) В упом. кн. А. Я. Гаркави, стр. 49.

4) Там же, у Гаркави, стр. 130.

ставить со свидетельствами других таких же писателей, из которых Масуди, например, говорит, что Руссы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена¹⁾, во-вторых, надо помнить, что данное восточное свидетельство старше нашей летописной записи и могло отражать (и действительно отражало) древнейший факт русской истории — первоначальную наличность трех основных восточно-славянских племен, лишь потом, постепенно разбившихся на все количество летописных племен, а летопись наша записала старое предание об этом применительно к явлениям позднейшей жизни, — сообразно с чем и приведенное показание Масуди о многих народах Руссов, так как он жил около половины X в., — лет на сто моложе первоначально приведенного известия о трех племенах Руси. Не противореча летописному известию, данное восточное свидетельство подкрепляет его и дополняет, удостоверяя у трех основных племен Руси начало известной организованности и известного порядка, когда говорит о наличности у каждого из этих племен «царя» — в смысле, вероятно, общего племенного предводителя военной силы. Это восточное известие интересно в том отношении, что указывает некоторые данные для определения территории поселения каждого из племен, причем по существу получается соответствие с летописными показаниями на этот счет. То племя, которое, ведя торговлю, допускает в свой город — «Куюба»²⁾ — чужеземных купцов и находится «ближе к Булгару», под которым, повидимому, имеются в виду Болгары Дунайские³⁾, — это скорее всего юго-западная племенная группа; другое племя, живущее «дальше первого» и называющееся «Славия», — это, конечно, северо-западные, двинско-ладожские племена; третье, близкое к «Хозару», воинственное, никого не допускающее в свою страну и наложившее «дань на пограничные области из Рума» (Византии), Артания или, надо думать, Русь по преимуществу⁴⁾ — это, разумеется, юго-восточная хозарская группа, от которой к одному из ее племен — Полянам, по свидетельству нашей летописи⁵⁾, перешло надолго,

1) См. в упом. кн. Гаркави.

2) Или иначе — «Кутаба», «Карбая», «Кунаба», или что-то в этом роде.

3) Если только тут не перепутаны географические понятия.

4) Ибо характеристика местности его поселения явно соответствует описанию острова «Русии» у другого восточного писателя первой половины X в. — Ибн-Даста, а также у Мукадесси, см. в упом. кн. Гаркави, стр. 267 — 268, 282 — 283 и 193, 220 — 221, 276 — 277, — срвн. у Л. Нидерле — «Slovanske Starozitnosti», т. 2, ч. I, Прага, 1906 г., стр. 267 — 271, где Артания сближается и отождествляется с «Антами» византийских источников, обычно принимаемыми за предков всего Восточного Славянства или его части, о чем см. ниже.

5) См. главным образом Ипатьевский список, срвн. показания Константина Багрянородного; срвн. в «Киевской Руси» Грушевского, стр. 227 — 230 и др.

по преимуществу перед другими восточно-славянскими племенами, имя «Русь». Таким образом у нас имеется второе, в данном случае уже стороннее письменное свидетельство, позволяющее думать, что восточно-славянские племена около IX-го в. образовывали три обособленных племенных соединения. Конечно, тут выступает во всей остроте вопрос о Руси¹⁾, но попытки истолковать данное восточное известие иначе—путем отыскивания называемых им племен среди финских или скандинавских²⁾—явно тенденциозны, искусственно подогнаны к так называемой норманской теории, взаимно противоречивы и падают, раз выясняется полная возможность согласования этого известия с летописными показаниями относительно русско-славянских племен.

¹⁾ Об этом см. ниже.

²⁾ См. у В. Томсена — «Начало Русского государства», перев., Москва, 1891 г., у Д. Шеглова — «Первые страницы русской истории» — «ЖМНПР», 1876 г., IV, V, VI, у Ф. Ф. Вестберга — «К анализу восточн. источн. о Вост. Европе» — «ЖМНПР», 1908 г., II, III; отчасти у Шахматова — «Древн. судьбы русск. племени», стр. 36, 38 и др.

VII.

При наличии отмеченных двух письменных свидетельств в данном вопросе получают серьезное научное значение наблюдения археологов над обнаруженными при раскопках остатками старины, изучение коих дает основания к заключению о разделении восточного славянства в древнейшую эпоху его исторического бытия в культурно-бытовом отношении на три части. Так, А. А. Спицын на основании наблюдений над устройством древне-русских курганных могил и естественными остатками, найденными в раскопанных курганах, предлагает такое распределение древне-русских племен на три группы: первая, северная — Новгородские Словене и Кривичи с колонистами северного Поволожья; вторая, юго-западная — Дреговичи, Воляняне, Древляне, Поляне¹⁾; третья, восточная, — отчасти Бужане²⁾, Северяне, Радимичи и Вятичи³⁾. Собственно говоря, более определенно выступают у него три такие группы: 1) Новгородцы и Кривичи, 2) Древляне и Воляняне, 3) Северяне, Радимичи и Вятичи⁴⁾. Подметив три основных культурно-бытовых типа, А. А. Спицын, однако, затрудняется в точном распределении по ним всех летописных племен, и это вполне понятно как в виду самого характера археологических находок, так и вследствие того обстоятельства, что географическое распределение летописцем племен, при определенном указании каждому из них точного места поселения, приурочено им было к позднейшей, современной ему эпохе, когда оно могло быть (и действительно было) значительно иным по сравнению с распределением племен по территории около эпохи IX-го в. и когда первоначальное распределение трех первоначальных групп

¹⁾ Для Полян, как и для Уличей и Тиверцев, фактических данных очень мало.

²⁾ По Шахматову, Бужане — то же, что Дулебы и Воляняне, см. «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 99, срвн. «Историческую Географию» Середонина, стр. 134 — 135.

³⁾ См. его ст. «Расселение древне-русских племен по археологическим данным», «ЖМНП», 1899 г., август.

⁴⁾ Срвн. его же «Русская Историческая География», 1917 г., стр. 18, 22 и др.

было уже значительно сглажено. Тот же факт первоначального распределения древне-русских племен на три группы отмечает другой археолог-антрополог Ю. Д. Талько-Гринцевич, приходящий на основании изучения черепов и трупов, найденных в разрытых курганах на русской территории, к такому заключению: по данным антропологическим, несмотря на известную скудость их, он отмечает три основных «более чистых» типа среди древнего восточного славянства: во-первых, — Северян и Полян, во-вторых — Древлян и Кривичей западных, в-третьих, — Новгородцев и отчасти Кривичей восточных¹⁾. Данные наблюдения Талько-Гринцевича тем интереснее, что у него классификация племен особенно близка к приводившимся выше летописным показаниям о распределении русско-славянских племен на три группы. Они очень интересны еще в том отношении, что указывают на резкую смену антропологического типа около IX в. на территории, принадлежавшей в эпоху нашего первоначального летописания Полянам, т. е. на среднем Днепре²⁾. К выводам Талько-Гринцевича близки этнографическо-антропологические наблюдения Е. М. Чепурковского, который констатирует существование трех основных типов в населении Европейской России — «валдайца», «рязанца» и «малоросса» — и эти наблюдения связывает с данными о славянской колонизации страны³⁾. Подобного рода данные должны, конечно, повлиять на продление нами такого распределения трех групп восточного славянства в более глубокую даль веков, гораздо раньше VIII — IX в. в.

1) См. его работу «Опыт физической характеристики древних Восточных Славян», третий вып. статей по славяноведению, издание Акад. Наук, Спб. 1910 г., стр. 66, 109 — 111, 123 — 124 и др.

2) Там же, см. стр. 63 — 67, 110 — 111 и др., — об этом подробнее см. дальше.

3) См. его работу «Географическое распределение формы головы и цветности крестьянского населения преимущественно Великой России»... Москва, 1913 г., — II вып., 28 т. Труд. антропол. отд. Общ. Любит. Естествозн. при Моск. Унив.

VIII

То же триединство Восточного Славянства подтверждают и данные истории русского языка. Так, академик А. И. Соболевский намечает три группы древне-русских говоров: в первой — Новгородских Словен и Кривичей, во второй группе — «средне-русский говор», «говор древних Вятичей и их колонистов на обоих берегах Волги», с которым Соболевский сближает говор древних Дреговичей и склоняется также присоединить говор Северян¹⁾, наконец, в третьей группе — «галицко-волынский говор», «говор Дулебо-Волян»²⁾, но без присоединения сюда говора Полян³⁾, относительно которого ученый лингвист затрудняется дать определенное заключение⁴⁾. Академик А. А. Шахматов совершенно определенно делит по говорам все древне-русские племена на три группы или ветви: северную, южную и третью, которую он называет восточной или юго-восточной, иначе средне-русской. К первой ветви им относятся Новгородские или Ильменские Словене и Кривичи, к южной он причисляет Полян, Древлян, Дулебов или Бужан, Уличей, Тиверцев и Северян, третью группу, по его представлению, составляли Вятичи с Тмутараканскими Руссами, относительно же Дреговичей и Радимичей у него заметны колебания⁵⁾. Для нашей цели весьма важен самый факт распределения древне-русских племен по лингвистическим данным на три отдельных ветви, — что же касается подведения тех или иных племен под известную группу, то оно, конечно, гипотетично, и сам Шахматов, чувствуя неустойчивость своей позиции в данном во-

1) Хотя и не решается это вполне категорически утверждать.

2) Очевидно, сюда же должны быть включены Древляне и Уличи.

3) См. его «Лекции по истории русск. яз.», 4 изд., Москва, 1907 г., см., главным образом, стр. 34 — 38.

4) В других работах своих он, впрочем, высказывается определеннее, резко противопоставляя говор Полян галицко-волынскому говору.

5) См. упом. его работы: «Очерк древн. периода истории Русского яз.», Птрг., 1915 г., «Введение в курс истории русск. яз.», ст. в «ЖМНПР», 1899 г., апрель, и в «Русс. Филол. Вестнике», 1894 г.

просе, все время обнаруживал колебания¹⁾, ища в летописях и показаниях культурных остатков старины восполнения не вполне ясных данных самой истории русского языка и его говоров²⁾. Но данные истории русского языка сами по себе, во всяком случае, с несомненностью убеждали покойного ученого в том, что древне-русские говоры имели три основных типа; значит, свидетельство о трех племенных группах Восточного Славянства находит себе прочное подтверждение и в лингвистических данных, и, стало-быть, это распадение данных племен на три ветви было явлением и довольно продолжительным, и исторически ранним, — тем более, что и для наших летописцев XI—XII в.в. оно уже не было фактом современным и даже памятным во всей своей яркости. — Последние изыскания А. А. Шахматова по истории русского языка³⁾ весьма важны для нас в том отношении, что дают определенный материал для ответа на вопрос: раньше ли произошло образование многочисленных летописных племен и затем уже последовало их объединение в три общих группы, или же Восточное Славянство сперва уже разбивалось на три указывавшиеся ветви и после произошла затем дифференциация, — из этих ветвей постепенно, в силу изменения обстоятельств, создались более мелкие племена, перечисляемые летописью? Шахматов приводит языковые данные, говорящие, что еще на заре истории в предполагаемом им общерусском пра-языке, где-то еще около VII—VIII в.в., сначала образовались три основных явления, три главных наречия, — восточное, северное и южное, — с тремя целыми носителями их, стало быть три этнографических типа, из коих позже, не раньше X в., в силу изменения старых отношений и происшедших этнических передвижений, «на памяти, на глазах истории» определились называемые летописью разнообразные племена. Этот вывод, как мы видели, подтверждается отчасти и приводившимися свидетельствами восточных писателей, а также

1) В этом отношении любопытно сопоставление упомянутых статей 90-х годов с позднейшими его работами и в особенности с последней брошюрой — «Древнейшие судьбы русск. племени», Птрг., 1919 г., где он Вятичей относит уже не к восточной группе, как во всех других работах, а к западно-ляшской, но обоснования этой своей мысли лингвистически Шахматов не успел дать.

2) Шахматов в своих утверждениях в данном случае часто базируется на данных чисто географических, как бы игнорируя сравнительно поздний момент приурочения летописцем племен к местам их поселения; затем он почему-то не придал значения приводившемуся выше летописному показанию 859 года о племенных группах и выпустил из виду, что предположенная им диалектическая волна, пронесшаяся с востока на запад, «из Донецких степей в северное Поднепровье и Белорусье», в начальном своем движении могла захватить и среднее Поднепровье, — срвн. «Введение» к «Очерку древн. периода истории русск. яз.», стр. 42 — 43.

3) См. упом. «Очерк древнейшего периода истории русск. яз.» и «Введение в курс истории русск. яз.»

и нашими летописями, ибо они в XI—XII в.в. имеют определенные представления о мелких племенных подразделениях Восточного Славянства, о трех же племенных группах не дают ясных сведений, а лишь припоминают, по данным старого, смутного уже для них предания, отдельные, необобщенные штрихи и моменты, как что-то для них уже непонятное, чуждое живой связи с современностью. Но как произошло обособление и как была организована жизнь трех основных племенных ветвей Восточного Славянства, летопись уже определенно не помнит, давая лишь некоторыми своими намеками пищу для догадок. Объясняется это тем, что летопись свои рассказы и припоминания начинает уже с того момента, когда три основных племени Восточного Славянства, нарушив свою изолированность, начали вступать между собою в соприкосновение, стали раслаиваться в летописные племена, когда старая, VII—VIII в.в., картина расселения Восточного Славянства была уже нарушена ¹⁾.

¹⁾ А. А. Шахматов полагает, что началом летописных припоминаний нужно считать первые годы княжения Ярослава Мудрого, т.-е. конец первой четверти XI в., — относительно эпохи более древней он допускает «сочинительство» летописных сводчиков в смысле «комбинирования данных» о далеком прошлом сообразно «современной действительности» авторов. — см. «Разыскания о древн. русск. летописн. сводах», стр. 487—489 и др. Таким образом эпоха более древняя является уже в большей степени легендарной, где мы уже не стоим на почве прочных исторических известий.

IX.

Мы отмечали уже данные, позволяющие факт наличия среди Восточно-Славянских племен трех основных племенных групп, в себе более или менее организованных и в то же время друг от друга обособленных, отнести приблизительно к эпохе VIII—IX в.в. Между тем, с одной стороны, имеется ряд летописных указаний на нарушение этой групповой изолированности уже в первой половине X-го в., а с другой — мы видели, что эта изолированность групп должна была тянуться довольно продолжительное время, раз связана была географической обособленностью и заметно сказалась на языке, быте и этническом типе племен группы. Отсюда естественно заключить, что начало разделения Восточного Славянства на три основных и первоначальных племени нужно отнести ко времени значительно раннейшему не только IX в., но и VIII в. Ставя вопросы о начальном моменте первого раздробления Восточного Славянства на три основных ветви и о причинах этого явления, мы лишены возможности найти ясные и определенные ответы на них в показаниях письменных источников как русских, так и иностранных; виною тому служат обстоятельства той темной эпохи. Потому для разрешения их — конечно, гипотетического — приходится обращаться к комбинируемым сопоставлениям касательно этой эпохи ученых специалистов. Прежде всего тут уместно привести следующие соображения известного византиста-академика Ф. И. Успенского о славянстве вообще в эпоху, предшествовавшую началу истории Руси: «Для VII в. характерным фактом является беспредельное распространение славян по Европе, по островам Архипелага и по Малой Азии, которому до сих пор не подыскано надлежащего объяснения и которое мало выяснено по его ближайшим последствиям. В то время как на западной окраине славянства возникает сказание о героическом Само, положившем начало государственного объединения у чехо-мораван и словаков, на южной окраине наблюдаем утверждение славян в Далмации, в Истрии и Фессалии, а на юго-востоке происходит чрезвычайно сильный толчок со стороны болгарской орды, которая перешла за Дунай и основала свое господство среди славянских племен,

колонизовавших провинцию Мизию. Все эти явления среди славянского мира падают на половину VII-го в., и можно думать, что они находятся в некоторой причинной связи. Не может возбуждать сомнения лишь тот факт, что на всех территориях, занятых славянами, было старое население, значительно затронутое греко-римской культурой и христианским просвещением, и что занятие этих областей требовало от славян значительного напряжения сил и известной организации. Но в борьбе с новыми условиями, найденными славянами в указанных местах расселения, их ожидали такие затруднения, какие превышали их материальные силы. Чтобы стать на высоте тех задач, которые предъявлены были славянам условиями соседства и требованиями культурной жизни, им необходимо было сгруппироваться в племенные союзы и получить начатки государственной организации»¹⁾). Как видим, сказанное имеет отношение и к нашим Восточно-Славянским племенам, при таких же условиях принужденным сгруппироваться и положить начатки государственной организации; посему на обстоятельствах, вызвавших на территории Восточно-Славянских племен в данное время передвижения и в связи с ними объединения в племенные группы или организации, необходимо остановить наше внимание. * Большое значение для восточного славянства в данном случае имело отмеченное Успенским, происшедшее в VII в. передвижение Болгар с юго-востока в западном и северном направлениях, произведшее «чрезвычайно сильный толчок» на соседние племена.

¹⁾ См. его «Историю Византийской империи», т. I, Спб., 1913 г., стр. 767 — 768.

Х.

Болгар в VI в. мы застаем сидящими на территории нынешней России — в Азовско-Кавказских землях, на Дону и близ Азовского моря¹⁾; отсюда около 679 года они массою устремляются на Дунай, проходя чрез южно-русские степи, а другую свою часть оседают на средней Волге и Каме, также пройдя известное расстояние сюда от Дона. Этими своими передвижениями Болгары произвели серьезные пертурбации среди восточного славянства, произведши передвижения его в значительном масштабе. Но какие именно? «Первую прародину» восточного славянства, считая его изначально единым, А. А. Шахматов, в соответствии с показаниями византийских современников — Прокопия Кесарийского и Михаила Сирийского, а также Иорнанда Готского, — указывает в местожительстве «Антов» между Прутом и Днестром и восточнее его — к северу от Азовского моря²⁾. Отсюда Шахматов восточное славянство или «Антов»³⁾ вследствие происшедшего движения Болгар и вообще кочевников представляет передвинувшимся «из чувства самосохранения» — в «современную Волынскую и в северную часть Киевской губернии»⁴⁾. Однако, несомненно, что все восточное славянство не могло сконцентрироваться тогда на Волыни, но часть его должна была оставаться на старых, более южных местах поселения — как в нижне-Днепровском При-

1) О Болгарах см. в упоминавшихся работах, вместе с Хозарами. Голубовского, Середонина, Святловского, Загоровского, Маркварта и др.

2) См. его «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 45—47, срвн. у Л. Нидерле — «Slovanske Starozitnosti», т. 2, ч. I, Прага, 1906 г., стр. 214—222, 270 и др., также в «Киевской Руси» Грушевского, стр. 209 и др.

3) Шахматов, А. Л. Погодин и др. представляют Антов в виде предков всего Восточного Славянства, — см. у Шахматова «Древн. судьбы русск. племени», стр. 10—12, у Погодина — «Из истории славянского передвижения», Спб., 1902 г.; не останавливаясь подробнее на этом вопросе, укажем иные взгляды на Антов: 1) Срезневского — «Уличи и Тиверцы», 2) М. Грушевского — «Украинцы», 3) Л. Нидерле — «Южно-русские племена», 4) Иные, не русские племена — Цейсс, Дринов, Новаковичи др.

4) Там же, в упом. «Введении»...

морьи, где, по свидетельству нашей летописи, в давнее и для нее время жило «множество» Уличей и Тиверцев, во время, очевидно, продолжительного своего здесь пребывания построивших ряд городов, надолго сохранившихся¹⁾, и в первой половине X в., по показанию «Начального свода», вынужденных отсюда переселиться на запад — к Бугу и Днестру²⁾, — так и значительно восточнее — у Азовского моря и Предкавказья, где, по допущению самого Шахматова, не позже половины VIII в. уже жили в составе хозарского царства не мало русских славян³⁾. Наконец, третью часть восточного славянства мы очень рано видим на далеком, неприветливом севере. За короткое время конца VII и начала VIII вв. трудно допустить затруднительные далекие передвижения по степям и лесам части Восточных Славян, и раз вскоре за движением Болгар мы снова застаем часть восточного славянства на старых приморских местах, то естественнее допустить так: передвижение Болгар во второй половине VII в., повлиявши на передвижения Восточных Славян, не само разделило их на группы, а только усилило обособленность их, из коих одна распростерлась от Черного моря по Днестру и Днепру, от нижнего течения их постепенно распространяясь к северу, другая оттерта была от первой в Подонье и на восточном берегу Азовского моря в направлении к Волге и Предкавказью, а третья была удалена в силу других обстоятельств. Развитие волжской торговли, вслед за возникновением Багдадского халифата Аббасидов, со второй половины VIII в., начало эту восточную ветвь Восточного Славянства притягивать к Волге и вызывать постепенное, медленное колонизационное движение по Волге и ее бассейну на север, на что указывают свидетельства арабских писателей той поры о Руссах и Славянах в Итиле и вообще в Хозарии и на Волге⁴⁾. Этому движению с юго-востока по волжскому бассейну на север в VIII — IX вв. мы склонны приписать ту первую славянскую колонизацию в среднем Поволжье, которая очень рано создала здесь славянские пункты, как Ростов, Муром

1) «И суть гради их и до сего дне ...»

2) Отсюда неприемлемо допущение Шахматова, будто Уличи жили между Днестром и Днепром только с начала IX в. до второй половины того же IX в. («Древн. судьбы русск. плем.», стр. 39), — срок слишком малый, чтобы настроить ряд городов и такую крепость, как Пересечен.

3) Срвн. летописные показания о плативших хозарам дань племенах и восточные свидетельства о славянских поселениях по Дону, — срвн. у Л. Нидерле в упом. работе его «Slovanske Starozitnosti», т. 2, ч. I, стр. 267. — 271.

4) См. в упом. кн. А. Я. Гаркави стр. 129, 93 и др.; о значении волжской торговли в это время см. в работах — А. Шелонговского — «Naistarsze drogi z Polski na Wschód»... Краков, 1909 г. Т. Арне — «La Suède et l'Orient», Упсала, 1914 г., в нашей кн. «Начало христианской Руси» и др.

и другие, и которая, вступив здесь в известные отношения к камским болгарам, для кривичской колонизации XI—XII в.в. оказалась довольно чуждой и враждебной, вызвав здесь, между прочим, борьбу старых и новых городов. В свою очередь, продвижение черноморско-днепровской ветви на север вряд ли могло так далеко—до Ладogi—подвинуть третью группу, появление коей здесь могло стоять в связи с движениями с запада, под влиянием того аварского движения, в связи с победами Карла Великого, на восток в конце VIII—в начале IX в., которое Шахматов использовал для другой гипотезы ¹⁾. Таким образом, распадение Восточного Славянства на те три ветви или группы, о коих выше у нас шла речь, произошло, очевидно, слишком рано и, может быть, вызвано было передвижениями всего славянства как южного—к Днепру, так и западного—к западной Двине. Во всяком случае оно было уже фактом в эпоху между концом VII и началом IX в. А. А. Шахматов это распадение Восточного Славянства на три племенных и языковых группы относит к VII—VIII вв. ²⁾ и полагает, что восточная ветвь отделилась от южной раньше северной ³⁾.

¹⁾ См. «Древн. судьбы русск. племени», стр. 23 — 27, 37 — 39 и др.

²⁾ См. «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 49 — 51, 77, 142.

³⁾ См. «Очерк древн. периода истории русск. яз.», стр. XX — XXI.

XI.

В соответствии с выясняемым ранним моментом начала распада или, точнее, особого существования Восточного Славянства в виде трех ветвей стоит, как мы видели, продолжительность особого существования трех племенных союзов, поскольку за это время у каждой из групп сложились свои, данной именно группе свойственные особенности в области языка, быта, культуры и даже некоторые антропологические отличия¹⁾. Большой также период времени должен был понадобиться и для того, чтобы одной из групп, именно северо-западной, откуда-то появиться к «хладным финским берегам». Как и откуда совершался этот далекий и трудный переход? А. А. Шахматов ведет северную ветвь из пра-родины через Вольту и северное Поднепровье к истокам Западной Двины, Ловати и Волги по Днепру²⁾; С. М. Середонин направляет ее через Березину по Западной Двине к реке Великой и Ловати³⁾, т.-е. путем более западным. Нам это движение представляется совершившимся несколько иначе. Вследствие подмеченного сродства северно-русских (и прежде всего Псковского) говоров с польским, Шахматов утверждает, что движение северно-Руссов с Вольты должно было совершиться через область, занятую поляками, вследствие чего в среду северно-Руссов влилась ассимилировавшаяся часть поляков, оказавшая свое воздействие на язык северно-Руссов⁴⁾. Для координирования этой гипотезы своей с отмеченным предположением его о движении северно-Руссов с пра-родины на север через Днепр по летописному пути «из Варяг в Греки», Шахматов прибегает еще к одному гипотетическому построению — о поселении в то время польских племен в Поднепровьи и к во-

1) См. в упом. работе Талько-Грынцевича, стр. 63 — 67, 123 — 125, также в упом. раб. Чепурковского; в данном случае имело значение различие примесей от разных для каждой группы соседей.

2) «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 48 — 51, 54, также в очерке «Древ. пер. ист. русск. яз.».

3) «Историч. Геогр.», стр. 138, 140, 222.

4) См. его работы: упом. «Введение»... стр. 56 — 62, «К вопросу о польском влиянии на древне-русские говоры» — «Русск. Филологический Вестник» 1912 г., «Древние ляхские поселения в России» — «Славянство» 1911 г. и др.

стоку от него ¹⁾); однако, и без этого сложного гипотетического построения естественное продвижение северно-Руссов более западным путем — не по Днепру — само по себе вводило их в польскую среду, и при том этот более западный путь — по бассейнам Припяти и Березины к Западной Двине и дальше — вел через давно и хорошо знакомую Восточному Славянству Припять ²⁾ и совершенно просто объясняет возможность столкновения здесь русского элемента с польским и литовским. К тому же сам Шахматов признал сравнительную новизну пути «из Варяг в Греки» ³⁾ — на основании материалов и соображений, выдвинутых в недавнее время А. Шеленговским и Т. Арне ⁴⁾. Даже в конце X столетия, как увидим дальше, этим более западным путем — через Западную Двину, только в обратном направлении — с севера на юг, шел из Новгорода в Киев с Норманами Владимир Святой. В эту же западную сторону склоняют отчасти летописные предания. Так, Новгородское летописное предание побуждает признать, что первым центром политической жизни у северно-Руссов была Ладога, а затем уже возник и стал политическим центром Новгород ⁵⁾, всецело обязанный своим возвышением варяго-греческому пути. Отсюда мы в праве заключить, что северно-Руссы сперва попали в Приладожье с юго-запада, стремясь, вероятно, устроиться у Финского залива и уже отсюда, в силу обстоятельств, будучи оттерты от моря, двинулись к югу и юго-востоку, куда, как известно, направлялась и дальнейшая колонизация новгородских славян ⁶⁾. Таким образом, Ильменские Словене к месту своего прочного исторического жительства попали, лишь пройдя предварительно сложную и довольно продолжительную историю далекого переселения и борьбы за это место своего поселения, что должно было занять значительный промежуток времени ⁷⁾. Значит, мы должны быть очень осторожны при установлении начального момента Новгородской истории — в IX в. искать ее рано — тем более, что, не считая легендарно-тенденциозного и хронологически недостоверного известия 862 года и связанных с ним, первое упоминание о северном Новгороде мы встречаем в летописи лишь под 970 годом ⁸⁾.

¹⁾ См. там же.

²⁾ Срвн. «Историч. География» Середонина, стр. 115 — 121.

³⁾ См. «Очерк древн. периода истории русск. яз.», стр. XXV.

⁴⁾ См. упом. выше их работы.

⁵⁾ См. «Радзивилловский, Академический, Ипатьевский и Хлебниковский списки», «Повесть временных лет» и в частности показания 1114 года, — срв. в исследовании Шахматова — «Повесть временных лет», стр. VI — VII, XXXVIII — XXXIX.

⁶⁾ Срвн. в «Исторической Географии» Середонина, стр. 224, 225, 231 и др.

⁷⁾ Срвн. там же, у Середонина, стр. 222.

⁸⁾ Новгород Константина Багрянородного — половины X-го в.; судя по контексту, вряд ли северный.

С другой стороны, нахождение Ладоги на волжско-балтийском пути, большая ее по сравнению с Новгородом древность, Новгородско-ладожские предания, сохранившиеся в известиях 1096 г. (о событиях 1092 г.) и 1114 г., — побуждают допустить возможность первых колонизационных славянских поселений здесь в связи с волжским путем. Где-то около рубежа IX — X в.в. здесь должны были столкнуться шедшие с юго-востока по пути: Муром, Ростов, Белоозеро, Ладога — редкие выселенцы оттуда с более компактной массой, перегнанной сюда к тому времени нажимом с юго-запада; тогда получилось обратное движение: разбросанные выходцы с юго-востока должны были или ассимилироваться, или поддаться назад — к югу. Колонизация северной ветви на юго-восток оказалась затем мощной и крепкой, но для Суздальщины это был уже безусловно вторичный момент славянской колонизации, — хронологически не получаем возможности отнести первичную колонизацию Ростова и Мурома к Полоцку или тем более к Новгороду¹⁾. — По пути своего постепенного продвижения с юга на север северно-Руссы закладывали и свои города: так уже в первой половине IX в. создается на путях к северу Гнездов, археологический инвентарь находок в коем говорит за его существование в IX — X в.в. и вместе за его изолированность от Поднепровья²⁾; далее, вероятно не позже конца IX в. устроен был на Западной Двине Полоцк, который во второй половине X-го в., по летописи, является уже крупным центром; а затем очередь дошла и до Ладоги, если только она несколько ранее не была устроена колонистами с Поволжья, и, наконец, до Новгорода, возникшего вряд ли раньше X-го в.³⁾. К этим данным, указывающим на движение здешнего населения по существу с запада, нужно присоединить и то, что в самое недавнее время приведены новые доказательства в пользу старой догадки о западно-славянской основе Новгородского населения⁴⁾. В пользу их как будто говорят и особенности наших северо-западных говоров, и расположение первых центров именно на западе — Полоцка, Изборска, Ладоги, потом Пскова. Эту догадку усиливают: естественность движения западных славян к Западной Двине под влиянием нажима с запада в конце VIII в. и крайнее несоответствие экономических условий этого севера и Поднепровья, откуда совершенно непонятна такая колонизация сюда.

1) Срв. отчасти данные в «Исторической Географии», Середонина, стр. 221 — 240.

2) См. «Гнездовский могильник» В. И. Сизова — 28 вып. «Материалов по археологии России», изд. И. Археологич. Комиссией, Спб., 1902 г.

3) О начале Новгородской Истории см. ниже.

4) Н. М. Петровский — «о Новгородских Словенах» — «Изв. отд. русск. яз. и слов. Российск. Академии Наук», т. 25, Птрг., 1922 г., стр. 356 — 389.

XII.

Двум другим ветвям Восточного Славянства также пришлось переживать не мало передвижений и борьбы за существование за эти же приблизительно столетия. Вообще на территории между Прутом и нижним Днепром летопись, как мы видели, указывает места старинного поселения Тиверцев и Уличей¹⁾, а с другой стороны она же устанавливает общность интересов Уличей и Древлян. Отсюда заключаем, что при постепенном оттолкновении этой части Восточного Славянства от моря, значительная часть их задержалась на Воляни и у среднего течения Днепра²⁾. Это были Древляне, не порвавшие совсем связей с задержавшимися на более южной территории Уличами, а также и Тиверцами и, вероятно, «Лензенинами» Константина Багрянородного. Близость поселения Уличей, Лензенинов и Древлян подтверждается Константином Багрянородным³⁾, а Уличей с Тиверцами сближает «Повесть временных лет». Летописные предания дают некоторые основания видеть сверх этих племен с Подуновьем⁴⁾ и, значит, с южным славянством. Как бы то ни было, но вполне естественно и, должно быть, очень рано создался юго-западный племенной союз, у коего, ранее отмечаемой летописью общей борьбы с Полянами, должно было существовать известное объединение на почве взаимных отношений с соседями и в особенности в виду необходимости принятия мер обороны против проходивших мимо кочевников: Болгар, затем Угров и, наконец, Печенегов, здесь поселившихся. Летопись отмечает и у Уличей, и у Древлян существование городов, как показателей вместе

1) Может быть, Уличи жили частью и восточнее Днепра, — срв. 92 стр., «Введение в курс ист. русск. яз.» Шахматова, а также «Черноморье» Бруна, т. 2, Одесса 1880 г., 206 и др. стр.

2) Срвн. в упом. «Введении»... стр. 48 — 49.

3) См. перевод его «О народах» у Ласкина — «Чтение в Общ. Ист. и Др. Росс.» кн. 1, Москва 1899 г., стр. 140, срв. «Историческая География» Середонина, стр. 128, также «Древн. судьбы русск. пл.», Шахматова, стр. 31 — 32 и др.

4) Киевские предание о Кие и Славянской пра-родине, а также сербизмы в украинском языке.

и военно-политической, и культурно-экономической жизни племен союза и, говоря подробнее о Древлянах, отмечает у них широкое развитие княжеско-племенного и вечевого уклада жизни¹⁾. О наличии у Уличей и Древлян «градов» в начале X в. и, разумеется, и значительно ранее — в IX и, может быть даже в VIII в.в. — говорят по существу согласно и «Начальный свод», и «Повесть временных лет»²⁾, при чем из городов их летописное предание выделяет как центры военно-политические, как оплоты племенной борьбы, сперва у Уличей крепость Пересечен, а у Древлян — Искоростень, при чем первый называет «Начальный свод», а второй и «Начальный свод», и «Повесть временных лет». Отсюда, в связи также с показанием «Начального свода» о происшедшем в первой половине X в. переселении Уличей с низовьев Днепра на запад «межи Буг и Днестр», поближе к известному месту жительства Древлян, мы получаем возможность заключать, что первым — по крайней мере известным нам — центром юго-западного племенного союза мог быть, приблизительно до второй четверти X в., уличский Пересечен, находившийся скорее всего, судя по летописному тексту, на нижнем Днепре³⁾, а затем значение его перешло к Искоростеню древлянскому. «Начальный свод» совершенно определенно указывает момент падения Пересечна и в связи с этим отход Уличей с Днепра в эпоху Игоря — на вторую четверть X в., поэтому предположение ученых⁴⁾ об уходе Уличей с территории нижнего Днепра на запад еще во второй половине IX в. под влиянием движения Угров и Печенегов может быть оспорено, как явно противоречащее ясному летописному свидетельству. Данное летописное свидетельство говорит о дани Уличей сперва Игорю Киевскому — очевидно до отхода их с Днепра, а затем (может быть, уже вторично) Свенельду

1) См. летописные показания — «Древляне съдумавшие со князем своим Малом» «наши князя добри суть, иже распали суть Деревьску землю»... «послаша Древляне лучшие мужи»... — срв. у В. Б. Антоновича — «Раскопки в стране Древлян», «Материалы по археологии России», № 11, Спб., 1893 г., ? 19, 20 и др.

2) Срвн. указание Баварского географа IX в. на 318 городов Уличей (unlizi). срв. у Середонина «Историческая География», стр. 124 — 132, 146 и др.

3) Более точно нельзя определить местоположение Пересечна и вообще оно определяется весьма различно: см. у Надеждина — «О местоположении древнего города Пересечна» — I т. «Записок Одесск. Общ. Ист. Древн.», в кн. Н. Молчановского — «Очерк известия о Подольской земле», Киев, 1885 г., стр. 25 — 35, у Барсова — «Очерки по русск. истор. географии», Варшава, 1873 г., стр. 84, в «ЖМНП» за 1877 г. в статьях Н. Ламбина (май) и П. Бурячкова (август) и др.

4) Середонина — «Истор. Геогр.», стр. 127, 128, 131, и Шахматова — «Введение в курс русск. яз.», стр. 92, «Древн. судьбы русск. пл.», стр. 39 и др.

Деревскому ¹⁾), — по всей видимости после отхода Уличей с Днепра, чем сношения Уличей с Киевом на известное время прервались. К тому же Константин Багрянородный говорит о соседстве Уличей с Печенегами и, стало быть, дает основания предполагать об известных формах мирного сожителства тех и других ²⁾). Во всяком случае, центр племенной жизни юго-западного союза был сперва не далеко от моря, вблизи византийских колоний и в соседстве с Дунайской Болгарией, а затем, после племенного передвижения, он передвинулся на северо-запад — на Волынь, к путям, ведущим в Западную Европу. Таким образом, говоря вообще, юго-западный союз находился, в культурном отношении, в зависимости от соседственных влияний, сравнительно в благоприятных обстоятельствах. Это соседство должно было сыграть свою роль в передаче культурно-просветительного воздействия на Восточных Славян Византии и Болгарии вообще и в деле христианизации в частности. Таким образом мы имеем основание утверждать, что именно у северо-западных берегов Черного Моря у юго-западного племенного союза положено было первое основание государственности у Восточных славян, «главными факторами коей являлись торговля и экономическое развитие славянства, имевшего свой племенной центр» — сперва ближе к морю — у Уличей, потом на Волыни — у Древян и, наконец, на Днестре ³⁾, где произошло, как увидим, столкновение и затем сочетание начал жизни юго-западного союза с особенностями жизненного уклада союза юго-восточного. Подобные племенные центры, по мнению проф. С. А. Корфа, существовали, приблизительно, уже в VIII — начале IX века, когда, по его мнению, затем племенный строй начал переходить в государственный, и «носили скорее военно-оборонительный характер, чем социально-политический»; но он допускает также возможность в это раннее время и того, что в таких племенных центрах «имелся центр культа или даже место съезда начальников племен (старцев, предводителей и т. д.)» ⁴⁾.

1) В связи с соображениями Шахматова о Свенельде, как князе Деревском, борвшемся с Игорем («Разыскания», стр. 357 — 375), текст Новгород. I летоп. младш. извода следует, думается, исправить так: «и даша дань Деревскому Свенельду» и сообразно с сим исправить сообщения 942 г. — о новом факте по сравнению с сообщением 940 г., — дань Свенельду Деревскому вместо Игоря Киевского.

²⁾ См. 140 стр. упом. перевода Ласкина.

³⁾ См. статью Корфа в «ЖМНПР», 1916 г., ноябрь, 104 стр.

⁴⁾ В той же статье Корфа, стр. 100 — 101.

ХІІІ.

Подобно двум другим племенным ветвям, юго-восточная группа также испытала изменения территориального характера и вынуждена была передвигаться. Ей пришлось переживать свою территориальную неустойчивость даже в большей мере, чем другим, ибо, конечно, по своему первому местопоселению — это потомки тех антов, кои, по проводившимся выше византийским данным, подкрепляемым немного поздними свидетельствами восточными¹⁾, жили с VI века к северу от Азовского моря и в Подоньи. Исчезновение у византийских писателей имени «антов» после 630-х годов, думается, следует поставить в связь с отходом их под давлением Болгар от Дуная к Дону и восточнее, и в таком случае «анты», скорее всего, — предки только этой юго-восточной группы Восточного Славянства, почему эта группа и называется потом Артанией²⁾. Шедшие с востока передвижения народов, здесь особенно чувствительные, вынудили эти племена объединиться в союз, который, в виду особенно сильного тут натиска кочевников, вынужден был искать опоры в Хозарском царстве, достигшем в VIII веке своего политического и экономического расцвета³⁾. Летописное свидетельство о мирном характере подчинения племени юго-восточной ветви восточного славянства Хозарам⁴⁾ и о государственном объединении ими этих племен⁵⁾ нам станет понятным, если мы вспомним, что Хозары в ту эпоху в жизни Восточной Европы играли роль посредников в торговле и в культурных сношениях ее с процветавшим тогда арабским Востоком (Багдадским халифатом Аббасидов) и оплотом от натиска напиравших с Востока кочевников (Угров, Узов, Пече-

1) Срвн. во «Введение в курс истор. русск. яз.», Шахматова, стр. 46, 51 и др., «Древн. судьб. русск. племени», 36 — 37 стр., у Л. Нидерле — «Slavanske Starozitnosti», т. 2, ч. I, стр. 267 — 71 и др.

2) Почему, как указывалось, Нидерле и сближает эти два имени.

3) См. выше в упом. работах Маркварта, Святловского, Григорьева и др.

4) «Сдумавше же и вдаше дань» — «Начальный свод».

5) См. приводившиеся выше известия «Повесть временных лет» под 859 г. — о дани племен Хозарам.

негов). При национальной и религиозной терпимости хозарской власти ¹⁾, юго-восточная Русь легко переносила свою связь с Хозарией, черты жизненного уклада и взаимоотношений каковой дополняют, по сравнению с кратким летописным упоминанием, восточные писатели, говоря о признании Славяно-Руссами авторитета хозарских судей и о службе их в войске и при дворе хазарского хакана, при возможности, однако самостоятельных, отдельных выступлений Руси ²⁾. Пребывая в лоне хозарского царства, Славяно-Руссы, видимо, пользовались как объединяющим торгово-политическим центром, его столицей — городом Итиль, расположенным на Нижней Волге и имевшим в числе своих жителей значительное количество Славяно-Руссов ³⁾. Но, позаимствовав от хозар начало государственности, вероятно, не позже II половины VIII века, с происшедшим изменением религиозной политики и начавшимся упадком хозарского царства, заметным уже в середине IX века и особенно в конце его ⁴⁾, и с расширением своих военных операций на Черном море, а потом и на Каспийском, — уже во второй половине IX века юго-восточная Русь должна была образовать свой самостоятельный центр, каковым, по летописным данным, к началу XI века оказалась Тмутаракань, — весьма возможно, не первый по времени центр культурно-политической жизни этой Руси ⁵⁾. По самому своему местожительству юго-восточная Русь легче и скорее других племенных образований вступала в тесное соприкосновение и взаимообщение с соседними кочевыми народами ⁶⁾ и впитала в себя восточные примеси и влияния ⁷⁾, и потому преимущественно перед прочими ветвями восточного славянства развила в себе воинственность, склонность к набегам и грабёжам и очень рано втянулась в водоворот волжско-кавказской торговли. По тому же месту обитания своего и по обусловленным им своим племенным чертам она именно должна разумеется под той Русью, которая прославилась в IX и первой половине X века своими набегам по

1) См. Показание Масуди и Ибн-Хаукаля — в упом. книге Гаркави, стр. 129 — 130, 220.

2) См. например, там же, у Гаркави стр. 129 и сл. и др.

3) См. там же.

4) См. свидетельство Константина Багрянородного и Ибн-Аль-Атира, — срв. у Шахматова — «Древн. судьб. русск. племенн», стр. 41, у В. В. Григорьева — «Россия и Азия», Спб., 1876 г., 59 — 61 стр. и др.

5) Может быть, таковыми были ранее Тмутаракани загадочный Плесков, родина княгини Ольги, и южный Новгород — князя Бравлина Суружского жития и также, повидимому, и Константина Багрянородного.

6) Срвн. летописный рассказ 20-х годов XI в. о рати Мстислава Тмутараканского, состоявшей из хозар и касогов.

7) Срвн. в упом. работе Галько-Грынцевича о наличии чуждых антропологических примесей у более восточных племен восточного славянства.

Черному¹⁾ и Каспийскому²⁾ морям и запечатлела перед иностранцами имя «Руси», каковое, по свидетельству летописи³⁾, надолго, по преимуществу перед прочими племенами и даже в отличие от них, сохраняло одно из юго-восточных племен хозарской группы — Поляне. Итак, этот союз был не чисто славянским племенным, а скорее разноплеменным, с племенными примесями, и притом военный. По всему сказанному здесь можно заключить, что объединенные племена юго-восточной ветви сначала, пока представляли из себя более или менее одно целое, в эпоху приблизительно столетий VIII—IX, жили гораздо компактнее, скученнее — по сравнению с территорией, указываемой летописью, очевидно в отношении эпохи более поздней, ближайшей к летописцу. К этому же их располагали и военно-торговые интересы у Волги и морей. Во всяком случае невозможно допустить, чтобы объединяющая деятельность хозарского союза могла в ту пору действовать на всей территории — от Волги до Киева, от Прикавказской Тмутаракани до Рязани: «завоевательные движения на север конным степнякам были не под силу»⁴⁾. Притом мы видим, что писатель половины X века Константин Багрянородный хозарской границей с запада указывает Дон и Азовское море. Очевидно, что в VIII—IX веках Поляне, Северяне, Вятичи и Радимичи жили гораздо ближе друг к другу и ближе к Азовскому морю и стоявшему на Волге хозарскому Итилю, чем то было в эпоху летописцев⁵⁾. Если вообще летописная картина расселения восточного славянства нуждается в значительных коррективах⁶⁾, то прежде всего эти коррективы нужны относительно данных, касающихся юго-восточной племенной группы восточного славянства.

1) См. упом. византийские данные — у Фотия, в хронике продолжателя Амортгола и др.

2) См. в упом. книге Гаркави, стр. 59, 78—79, 130—133, 156, 158; в упом. книге Григорьева — «Россия и Азия», стр. 6—10, 19—25, также Б. Дорна — «Каспий», Спб., 1875 г., стр. 5, 11, 28.

3) Главным образом, Ипатьевского списка, — срв. в «Киевской Руси», М. Грушевского, стр. 227—230.

4) Общее замечание М. И. Ростовцева — «Эллиństwo и иранство на юге России», Птрг., 1918 г., стр. 5.

5) Срвн. в упом. работе Шахматова «Древн. судьб. русск. племени», стр. 41 и др.

6) См. у Шахматова во «Введении в курс ист. русск. яз.», стр. 93, 101, срв. в ст. В. Б. Антоновича в I т. «Трудов IV Археолог. съезда», Казань, 1884 г., и др.

XIV.

Факт расслоения и обособления на группы восточного славянства во всяком случае является первичным известным нам историческим фактом в его жизни, сразу же определенно установившимся и заметным соседям Руси. Вообще, как отмечалось, с начала IX века Русь делается предметом международного внимания, — с этого времени соседи замечают Русь, как исторического деятеля, отмечая ее военно-политическую организованность, ее самостоятельные военные выступления, указывая у нее представителей государственного принципа ¹⁾. Между тем в летописных и иностранных известиях Руси за X век мы не встречаем уже ясного указания на наличие в это время трех обособленных пламенных групп ее, — напротив, имеем данные о происходящем соприкосновении и о ближайшем соседстве в это время тех племен, кои перед этим выделялись в разобщенные между собою группы, и вообще с X века начинаем замечать уже летописное разнообразие племен. Стало быть, около рубежа IX и X веков мы должны искать как явлений, в коих обнаружилось первое соприкосновение обособлявшихся племен и дальнейшая дифференциация их, так и причин, вызвавших эти явления. Очевидно, теперь как раз произошло передвижение восточно-славянских племен, с одной стороны, разъединившее ближайших сородичей, а с другой — столкнувшее между собою обособленные доселе племенные ветви, и очевидно, что это явление было вызвано движением кочевников в данный момент по русской территории. И мы имеем определенные свидетельства о движении в IX веке — особенно во второй его половине — Угров с востока на запад по южно-русским степям, причем за ними двигались далее Печенеги, теснимые Узами.

«Повесть временных лет» говорит об этом проходе Угров мимо Киева под летом 898 (6406); хотя, как устанавливается ²⁾,

¹⁾ «Хакан» Руси Бертинской летописи 839 г., «государь» ближайших к Кавказу славян у Якуби, известия Джайгани и др.

²⁾ См. у К. Я. Грота — «Моравия и Мадьяры», Спб., 1881 г., стр. 249 — 250, 281, срв. у П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы», Киев, 1884 г., стр. 66 — 67, Маркварт — «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge».

Угры совершили свое передвижение из южно-русских степей в Западную Европу в 80-х годах IX столетия и летопись, стало быть, сообразно вообще особенностям своей хронологии за эту эпоху, не точно припомнила это событие, — тем не менее она в данном случае отметила важный факт, если, может быть, и не для самого Киева, то, во всяком случае, вообще для Восточного Славянства. Довольно длительное передвижение Угров по юго-восточным степям и натиск нажавших на них Печенегов, к концу IX в. успевших прорваться уже до устьев Дуная¹⁾, должен был иметь самые серьезные последствия для юго-западных и юго-восточных племен Восточного Славянства. Движение это прошло по значительной части территорий обоих племенных союзов, сперва и больше задев юго-восточные племена, в результате чего значительные массы населения данных племенных групп были потревожены и вынуждены к передвижению с насиженных мест на новые, более безопасные и более выгодные. Последствием этого устремления части юго-восточных и юго-западных племен со старой территории в более защищенные от набегов кочевников места — вообще на север — явилось, во-первых, выделение ими из себя отдельных племен и, во-вторых, соприкосновение населения юго-восточной группы с населением ветви юго-западной, ибо при передвижении по водным путям из бассейна Дона довольно легко и просто можно было попасть в область левых притоков Днепра. Таким образом произошло скрещение двух колонизационных волн. Это соприкосновение и эпоха его засвидетельствованы рядом данных²⁾.

¹⁾ См. там же.

²⁾ Срвн. «Дальнейшие судьбы русск. племени» Шахматова, стр. 41.

XV.

Передвижением Угров и нашествием Печенегов, за которыми двигались Узы или Торки, хозарское царство приведено было к упадку и утрате своего прежнего для Восточной Европы значения ¹⁾. Об этом, помимо самого факта прохода через хозарские земли Угров и Печенегов, говорят также показания восточного писателя Ибн-Эль-Атира (Эсира) относительно просьбы о помощи против торкских орд, с какой хозары в середине IX в. (868 г.) обратились к своим недавним врагам, арабам - хорезмийцам, и свидетельство Константина Багрянородного о такой же их просьбе, несколько ранее — в 830 годах — направленной к другим прежним их соперникам — византийцам, в результате чего последние, при всей своей осторожности, не побоялись построить на Дону для защиты с запада ослабевшей Хозарии крепость Саркел ²⁾. В первой половине X в. положение Хозарии, по свидетельству того же Багрянородного, ухудшилось настолько, что даже сообщение с Саркелом легко могли прервать хозарам Аланы ³⁾. Таким образом уже в IX в. западнее Дона сношения Хозарии были весьма затруднительны. В то же время с передвижением кочевников и упадком Хозарии юго-восточная Русь вынуждена была несколько потесниться на своей старой территории и двинуться под прикрытия северных лесов и в поисках новых торгово-водных путей, ибо рубеж IX—X в.в. знаменовал собою уже и ослабление торговли здесь. И вот все эти данные и соображения нужно принять во внимание, когда на первых страницах нашей летописи мы встречаемся с отмеченным выше длительным, около столетия тянувшимся явлением — непрерывной напряженной борьбой юго-восточного племени Полян с юго-западными Уличами и Древлянами, ведшейся от легендарного Кия до Святослава Игоревича и его сыновей. Факт такой исключительной борьбы между собою отдельных племен должен

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. в упом. переводе Багрянородного у Ласкина а стр. 149 — 150, у Григорьева — «Россия и Азия», стр. 58 — 59 и др.

³⁾ См. упом. перевод Ласкина а, стр. 150.

остановить на себе самое серьезное внимание историка: объяснить его простой случайностью или спором о дани немисливо. Такая серьезная борьба могла итти лишь у племен, спорящих за одну и ту же территорию, была вызвана вытеснением аборигенов пришельцами ¹⁾. Но это не одно лишь отвлеченное соображение, не догадка только, — оно находит себе основание в летописном тексте. Прежде всего о нем говорит «Начальный свод», свидетельствуя, что последствием борьбы Уличей с киевско-полянским князем Игорем было очищение первыми их старой территории на нижнем Днепре и переселение их отсюда на запад и северо-запад — «межи Буг и Днестр», происшедшее, по словам летописца, «по сем», т.-е. после рассказанного пред этим взятия Игорем уличского Пересечна. Далее, начало борьбы Полян с Древлянами летописцем связывается с первым поселением Полян на Днепре: «Начальный свод», сказав об основании Кием, Шеком и Хоривом «градка Киева», продолжает: «по сих летех братиа сии изгибоша и быша обидими Древляны». Еще ярче и определеннее в этом отношении следы другой летописной редакции, которые находим в одной рукописи XVII в., где читаем следующее: «Тогда наченше Кия и дружину его намовати древляне и в то время Кии с дружиною своею сотвор себе градец мал киевец и нача слыти перво киев» и далее говорится о гибели в этой борьбе с Древлянами Кия и рода его ²⁾. Мы имеем целый ряд данных, говорящих о том, что на месте летописного поселения Полян ранее жили Древляне, в известный исторический момент вытесненные первыми со среднего течения Днепра. Так, прежде всего, основываясь на летописном тексте, А. А. Шахматов догадывался, во-первых, о том, что лежащий на левом берегу Днепра Любеч был некогда городом Древлян, и во-вторых, что Ольга, подчинив себе древлянскую территорию и устанавливая на ней «уставы и уроки, становища и ловища», делала это, между прочим, и по Десне, т.-е. на левом берегу Днепра ³⁾. В связь с этим следует поставить как находки погребений, подобных древлянским, вблизи Киева и на левом берегу Днепра и даже к северу — в Мстиславском уезде Могилевской губернии ⁴⁾, так с другой стороны и те языковые явления, которые объединяют

1) Срвн. в «Разысканиях»... Шахматова стр. 357 — 373, в «Историч. Геогр.» Середонина, стр. 146 — 148.

2) См. обозрение рукописей и выдержки из них в первом томе «Трудов Харьк. Предварит. Комитета по устройству XII археологич. съезда», Харьков, 1912 г., в статье проф. М. Г. Халанского — «Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий», стр. 413, 422.

3) См. «Введение в курс ист. русск. яз.», стр. 100.

4) См. в брошюре В. Е. Козловской — «Славянские курганы и городища, как исторический источник», — из сборника «Минерва», Киев, 1914 г., также в I т. «Трудов X археологич. съезда в Риге», Москва, 1899 г., стр. 32 — 33 и др.

украинские говоры, волынские — южной части бассейна Припяти с Черниговскими — бассейна Десны в одну общую группу говоров северно-украинских ¹⁾). Затем древнее черниговское предание рассказывает о борьбе у Чернигова основателя этого города — северянского князя Чорного с князем Древлянским ²⁾), что аналогично летописным известиям об основании Киева в связи с борьбой Полян с Древлянами. Далее следует принять во внимание факт отнесения Константином Багрянородным в эпоху половины X в. ближайших к Киеву городов Витичева и Вышгорода к числу городов, чуждых киевской Руси и платящих ей дань ³⁾), т.-е., очевидно, к местностям не полянским. В связь с этим следует поставить наблюдения проф. С. М. Середонина о том, что нет «никаких данных, указывающих на существование особого полянского племени», а также и о тесной связи населения Киева в данную историческую пору с левобережным, а не правобережным населением Поднепровья ⁴⁾), — что подтверждается и затруднениями археологов в смысле нахождения определенных полянских могил ⁵⁾).

1) «Северо-малорусская группа» — см. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, Москва, 1915 г. — карту и стр. 61 — 63, 65 — 69, 104, 105 — 106.

2) См. статью Котлярова «О городе Чернигове» — «Черниговские губ. ведомости», 1851 г., № 26, стр. 238 и след., срв. у Д. Я. Самоквасова «Северянские курганы и их значение для истории» — I т. «Труды III Археолог. съезда», Киев, 1875 г.

3) См. в упом. переводе Г. Ласкина, стр. 70 — 71.

4) См. в «Историч. Географии», стр. 144 — 145.

5) См. у И. А. Хайновского «Краткие археолог. сведения о предках славян и Руси...», вып. I, Киев, 1896 г., стр. 93 и след., 141 и след., также в упом. ст. Спицына «ЖМНПР» 1899 г., август, у В. Е. Козловской и др.

XVI.

При наличии приведенных свидетельств и соображений получают свое значение наблюдения археологически-антропологического характера Талько-Грынцевича, дающие материал для интересных выводов. Так, Талько-Грынцевич подметил, что приблизительно в эпоху около IX в. физический тип населения летописной полянской территории подвергся значительному изменению, причем обнаруживается сходство более древнего (не позже IX в.) славянского населения полянской земли (как ее приблизительно намечает летопись) с Древлянами той и последующей поры¹⁾; сходство это заметно по черепам (преобладает поддлинноголовость), по затылочному указателю (те и другие — широкозатылочные), по носовому указателю (малые носы), по лобному указателю (лбы малые). Между тем черепа, находимые на той же полянской территории и относимые к следующей эпохе — приблизительно к X—XI в.в., — резко отличаются как от местного более древнего населения, так и вообще от Древлян и близки к черепам Северян этой эпохи: другое строение черепа (подкороткоголовые), иной тип указателей — лобного (умеренные лбы), затылочного (среднеширотные), носового (средние или умеренные). Это обстоятельство может найти себе серьезное объяснение²⁾ только в смене около IX—X в.в. на среднем Днепре одного населения другим, сравнительно более чистого славянского, юго-западного — юго-восточным, «антским», по условиям своего прежнего местожительства более подверженного посторонним примесям. В связи с данными Талько-Грынцевича следует поставить наблюдения над находками из могил Древлян со стороны покойного проф. В. Б. Антоновича. Отмечая «значительную степень развития древлянской культуры» и следы мирной оседлой жизни Древлян, Антонович находит типичные древлянские погребения в пределах нынешней Киевской губернии, вплоть

¹⁾ См. упом. исследование его «Опыт физической характеристики Восточн. Славян», стр. 62 — 67, 88; 108, 109 — 111.

²⁾ Талько-Грынцевич дает неопределенное объяснение — просто усилением в данный момент посторонних примесей.

до Днепра¹⁾ и даже у самого Киева и при том к югу от него²⁾, т.-е. на летописной полянской территории. Продолжатель Антоновича в области археологических раскопок в среднем Поднепровьи В. В. Хвойко нашел погребения установленного Антоновичем древлянского типа в глубоких древних ямах в самом Киеве³⁾. Это, конечно, — не случайность, особенно, если вспомнить происходившую в X в. борьбу Полян с Древлянами. При этом нужно принять во внимание что Антонович на территории Киева, в местности у Иорданской церкви, нашел следы существования здесь около IX в. древнего населенного пункта с несколько отличной культурой по сравнению с другими киевскими находками и вместе тут же следы борьбы и разрушения около той же эпохи⁴⁾, что должно соответствовать отмечавшейся полянско-древлянской борьбе здесь и указывать на происшедшую смену древлянского населения — полянским⁵⁾. Исследования здесь Антоновича также продолжил В. В. Хвойко, не только дополнивший общую картину здешнего славянского поселения эпохи VIII—IX в.в., но и нашедший тут, вдали от так называемого старого Киева, остатки древнего городища⁶⁾. Очевидно, в данной местности Подола мы имеем следы древнейшего славянско-древлянского поселения на киевской территории⁷⁾.

¹⁾ В Глебовке, Демидове, Блыставице, Михайловке, Мирощкой, Дедовщине и др.

²⁾ Совки и Китаевская пустынь, — см. «Древности юго-западного края. Раскопки в земле Древлян», № 11 «Материалов по археологии России», Спб., 1893 г., см. карту и стр. 2—3, 19—20 и др. Срвн. упом. кн. И. А. Хайновского.

³⁾ См. его брошюру «Древние обитатели среднего Поднепровья»... Киев, 1913 г., стр. 54, срвн. в упом. брошюре В. Е. Козловской.

⁴⁾ См. его статью «О древнем кладбище»... «Труды 4 Археол. Съезда», т. I, Казань, 1884 г.

⁵⁾ Срвн. указая позднейших летописных сборников о том, что первоначально Киев несколько раз заново отстраивался — Кием, Аскольдом, Олегом, — см. в упом. ст. М. Г. Халанского; о доверии к подобного рода известиям срвн. у Шахматова «Древн. судьбы русск. плем.», стр. 59, а также в «Разысканиях».

⁶⁾ См. в упом. брошюре Хвойко, стр. 53—54, и в упом. брошюре Козловской, стр. 19.

⁷⁾ Поэтому летописное замечание, что в половине X в. в Киеве «на Подолии не седаху люди» нужно понимать в смысле временного запустения этой территории после борьбы.

XVII.

Таким образом, мы имеем ряд разнообразных данных, склоняющих принять положение о том, что киевско-полянское русское княжество создано было юго-восточной Русью в борьбе за среднее Поднепровье с юго-западными восточно-славянскими племенами в X в. Вглядываясь в летописный текст, мы можем найти там и другие еще косвенные подтверждения этой мысли, и вместе получаем возможность с этой точки зрения выяснить некоторые темные вопросы древнейшей истории Восточного Славянства. Так, мы не только по летописи усматриваем отмеченную Середониним ¹⁾ тесную связь киевских Полян с левобережным населением левого Поднепровья — преимущественно пред правобережным и ближайшим к Киеву — но и вообще замечаем, что и во второй половине X в., и в начале XI в. киевско-полянские князья точку опоры своей власти и военной силы имеют на левом берегу Днепра. В этом отношении характерно, например, летописное сообщение 968 г. (6476) об осаде Киева Печенегами во дни Святослава Игоревича, когда военной помощи и поддержки Киев ждал только от «собравшихся людей оной страны Днепра», т. е. левого берега, между тем, казалось бы, ее легче и скорее можно было бы получить от ближайшего населения правобережного, т. е. от Полян, если бы они действительно в это время жили сколько-нибудь значительной массой на правом берегу Днепра, и от Древлян, если бы те не были еще и теперь, в третью четверть X в., чуждыми и враждебными киевско-полянскому княжеству. Поэтому и Печенеги легче и скорее проникают в это время к Киеву по правому берегу Днепра ²⁾, вероятно рассчитывая на непрочность здесь киевской силы и власти. Поэтому, конечно, уже в самом конце X в. Владимир восклицает: «Се не добро, еже мало город около Киева» и строит тут новые города, — между тем как археологические данные удостоверяют, что вблизи Киева раньше Владимира существовало не мало славянских поселений, — но, очевидно, дело тут

¹⁾ См. «Историч. Геогр.» стр. 145, срвн. «История северской земли», Киев, 1882 г. Д. И. Багалая, стр. 47.

²⁾ См. Летописные данные о походах их — лет 6476, 6504, 6505.

в том, что эти поселения были древлянские¹⁾, и в силу этого не обеспечивали полянскому населению защиты. В этом смысле весьма показательно устройство Владимиром на рубеже X—XI в.в. для защиты Киева с запада крепости Белгорода — всего лишь в 20 верстах от Киева, — очевидно, в силу той же небезопасности для Киева западных поселений и опасений со стороны жившего западнее населения. Во всяком случае, при внимательном чтении летописных данных мы получаем впечатление, что на рубеже X—XI в.в., во дни Владимира Святого, в среднем Поднепровьи, в Киеве и вблизи его, устраивается, обстраивается и укрепляется новый хозяин здешней территории, не чувствующий еще себя тут совершенно прочно и не успевший еще здесь усесться и утвердиться как следует. О том же говорит и более поздний факт наличия вблизи Киева чуждой и враждебной Киеву и его династии Болоховской земли, которую естественнее всего — и по ее территории, и по укладу ее жизни, и по славянским названиям городов, и по недружелюбию по адресу Киевской династии, и по пребыванию в ней своих «особных» князей, — поставить в генетическо-преемственную племенную связь с Древлянами и, может быть, так же Уличами²⁾. — С другой стороны, по связи со всем отмеченным выше естественно заключать, что лежавший вблизи Киева на левом берегу Днепра, неподалеку от устья впадающего с востока в Днепр Трубежа, город Переяслав должен был играть большую роль в жизни киевско-полянского княжества в X—начале XI в.в. Он, видимо, был главной военно-правительственной базой полянской Руси, опираясь на которую последняя распространялась и укреплялась в Поднепровьи к западу и к северу. Здесь нужно искать объяснения летописного сообщения о том, что «бе прежде в Переяславлі митрополья»³⁾: очевидно, политическое значение Переяслава в жизни киевско-полянской Руси сохранялось довольно долгое время и сказалось и в церковных делах. В связи с этим летописный рассказ об основании Переяслава только в 993 году, при наличии более ранних летописных упоминаний о нем, можно принять лишь за приурочение к героической эпохе Владимира факта более раннего времени — той именно поры, когда юго-восточная Русь «переезжала» здесь военную силу и славу у побежденных юго-западных племен, — здесь был найден ключ к овладению Днепром.

¹⁾ Срвн. упом. работу Антоновича: «О раскопках в стране Древлан» и др.

²⁾ Срвн. исследования Н. П. Дашкевича — «Болоховская земля и ее значение в русск. ист.», Киев, 1876 г. и дополн. статьи в «Универс. Изв.», 1884 и 1899 г.г., срвн. вскользь брошенное замечание Шахматова «К вопросу об образовании русских наречий» — «Русск. Филол. Вестник», 1894 г., т. 32.

³⁾ Известие лета 6598-го, срвн. «История Украины - Руси», М. Грушевского, т. I, Львов, 1904 г., стр. 460—461, 463, также во 2 пол. I-го тома «История русской церкви», Е. Е. Голубинского, Москва, 1901 г., стр. 328 и след.

XVIII.

С другой стороны, есть достаточные основания считать Полян выходцами с территории хозарского царства, вообще с юго-востока и скорее всего с Приазовья. Вопреки неосторожному заявлению одного ученого, будто он с «так называемой Черноморской Русью покончил навсегда»¹⁾, убеждение в существовании «Черноморской Руси», — независимо от Уличей и Тиверцев, поселения коих также доходили «оли до моря» Черного, — именно в смысле Руси юго-восточной, Приазовской, все более и более крепнет среди ученых — даже и норманистов²⁾. Существование этой Приазовской Руси обеспечивается летописным текстом, который, повествуя о делах Приазовской и Тмутараканской земли в 20-х годах XI века, говорит о ней, как о давнешнем и притом сильном русском княжестве, очевидно не имея в своем распоряжении каких-либо данных о его позднем, в пределах летописной памяти, хотя бы в X веке, основании или завоевании³⁾. Другой летописный текст — о походе сюда Киевского князя Святослава в третьей четверти X века — скорее понятен в смысле движения к старорусским, давно знакомым местам, населенным сородичами, для поддержки их и для борьбы с кочевниками из-за старых торговых путей и в виду стремления использовать их для себя, но не в смысле основания здесь вновь столь сильной славянской колонии⁴⁾, что она, несмотря на отрезанность от всей остальной Руси, имела возможность через каких-нибудь 50 лет после предполагаемого основания, во дни Ярослава Мудрого, взять верх в борьбе с сильным князем Киева и Новгорода, опиравшимся

1) См. у Ф. Ф. Вестберга «О записке Готского топарха» — «Византийский Временник», т. XIV, выпуск 2 — 3, Спб., 1908 г., и т. XV, вып. 2 — 3, Спб., 1910 г.

2) См. в упом. работах Васильевского, Шеленговского Шахматова (см. 34 — 35 стр. его «Древ. судьб. русск. плем.» и др.).

3) Как то склонны допускать, например, Шахматов (например, «Введение в ист. русск. яз.», стр. 52), Середонин («Историч. геогр.», стр. 165) и др.

4) Как это принимает, например, Вестберг в упом. работе — «Визант. Врем.», т. XV, вып. 2 — 3, стр. 262 и др.

на Норманов¹⁾. Вообще возможность завоевания вновь Киевом отдаленной географически и разобщенной с ним Тмуторокани вызывает естественное изумление историков²⁾; допускаемый некоторыми в данном случае морской поход сухопутного Киевского князя вряд что мог помочь тут — особенно в смысле удержания власти потом. К тому же самое нахождение Тмуторакани вне пути «из Варягов в Греки» говорит о глубокой древности ее основания — еще до полного узнания и использования этого пути, в эпоху сосредоточения внимания и интереса к арабскому востоку, т.-е., повидимому, не позже конца IX века³⁾. Затем весьма определенно и настойчиво ряд восточных писателей говорит о ранних и многочисленных русско-славянских поселениях на Дону, в Хозарии и Приазовьи. Особенно ясны тут показания писателя первой половины X века Аль-Масуди, говорящего о многочисленном славянском народе, населяющем берега Дона, и о том, что Руссы живут на одном из берегов Азовского моря⁴⁾, «которое есть русское море» и по которому никто кроме Руссов не плавает⁵⁾. Византийские и восточные свидетельства о походах Руси во второй половине IX и в первой половине X века по берегам Черного и особенно Каспийского морей, также известия о древнейшей связи Руссов с Кавказом и его народами⁶⁾ — укрепляют уверенность в существовании юго-восточной Приазовской Руси в очень раннее время, начиная с времени известий об «антах» в VI—VII веке, живших к северу от Азовского моря; только такая приморская Русь могла предпринимать большими силами частые походы, ставшие опасными для обитателей побережий Черного и Каспийского морей и для самого Царьграда. Не говоря уже о невозможности действий на весьма отдаленном Каспийском море, Киевской Средне-Днепровской Руси до середины приблизительно X века выход в Черное море был бы закрыт сидевшими на нижнем Днепре Уличами и их здешней крепостью Пересечном⁷⁾. Что византийские, как и прикаспийские, походы Руси предпринимались не из Киева, а с юго-востока, на это указывает и самое время их совершения. Походы эти совершаются в IX и первой половине X века, когда еще сильна была юго-восточная Русь, когда Дон был еще славянской рекой; с передвижением масс юго-

1) См. известия «Повести времен. лет», по годам 6532 — 1024.

2) См. например «Истор. геогр.» Середонина, стр. 65.

3) Срвн. данные о торговом значении Днепровско-Балтийского и Волжского путей с приурочиванием их к определенным эпохам — в упомянутых работах А. Шеленговского, Т. Арне и др.

4) «Моря Найтас», под которым в данном случае следует разуметь не Черное море, а Азовское, представляемое как часть его.

5) См. в упом. кн. Гаркави, стр. 130, срвн. стр. 38, 49, 128, 129, 130 — 134 и др.

6) Летописные «Ясы и Косоги» — Аланы и Черкесы и др.

7) Вопреки мнению Грушевского — см. его «Историю Украины — Руси», т. I, Львов 1904 г., стр. 349 — 351.

восточной Руси к Днепру, с утверждением ее князей в Киеве, прекращаются походы Руси по Черному и Каспийскому морям, — последние известные из них падают на 941 и 943 г.г. Святослав и Владимир Святой из Киева ищут новых путей к Византии, — первый через Болгарию, второй через Корсунь, т.-е. путей юго-западных; морской поход на Византию 1043 года Ярославов сына Владимира следует поставить в связь с происшедшим пред сим приходом к Днепру юго-восточной Руси Мстислава, причем данный поход, предпринятый из отдаленного от моря Киева, кончился вполне неудачно. Более точно указывает местожительство этой Руси, которая с IX века приобрела известность в Византии своими дерзкими набегами, писатель X века Лев Диякон Калойский, который, на основании имевшихся в Византии сведений о прежних набегах Руси¹⁾, настойчиво утверждает, что Русь с походом на Византию возвращалась во-своих в Керченский пролив — «Боспор Киммерийский»²⁾. Между тем, другой Византийский писатель того же X века Константин Багрянородный, перечисляя племена, платившие в его времена дань Руси, не упоминает Полян, явно отождествляя их с Русью, каковое имя в Византии и на Востоке обозначало прежде Русь юго-восточную, совершавшую морские набеги. И это имя «Русь» надолго затем укрепляется за Полянами и полянской землей. Мы видим, что наша летопись неоднократно отличает полянскую землю, — очевидно, как землю авангарда юго-восточной Руси, — от других соседних славянских земель, присваивая ей исключительное наименование Руси, — в отличие притом от ближайшей соседки земли Древлян — Воьлини, и таким образом и в XII веке подчеркивая историческую обособленность Полян от их юго-западных соседей и связь со старым именем, принесенным с юго-востока. Хотя и трудно теперь искать и находить осязательные следы древнего поселения славяно-русов на юго-востоке, однако мы не вовсе лишены их: они донныне сохранились в славянских названиях здешних местностей, давно возникших и известных из письменных источников ранее XV века, т.-е. до позднейшей русской колонизации Дона³⁾; следы самого же древне-славянского здешнего населения письменные памятники отмечают вплоть до XIII века включительно⁴⁾.

1) А вовсе не потому, как утверждает Вестберг, будто Лев «не имел ясного представления об очертании северного побережья Черного моря», — ведь оно было столь хорошо знакомо в то время византийцам по взаимным интенсивным торговым сношениям и в виду наличия там византийских колоний.

2) См. русский перевод истории Льва Диякона — Д. Попова, Спб., 1820 г., в главе 6.

3) См. в статье И. И. Срезневского «Русское население степей южного поморья в XI—XIV в.в.» — 8 т. «Известий отд. русск. яз. и слов. Академии Наук», стр. 313 и сл., также в работах Голубовского, Багалея, Любавского, Грушевского и Шахматова, и др.

4) См. там же.

XIX.

Мы видели, что с половины X века, со времени Константина Багрянородного и судя по летописным показаниям конца XII века, имя «Русь» специально приписывается Полянам и занятой ими с X века в среднем Приднепровьи территории. Откуда оно сюда и как попало? В связи с приведенными выше данными естественно принять, что Поляне, пришедши с юго-востока, оттуда принесли на Днепр и это свое имя. Между тем академик Шахматов и целый ряд других исследователей норманистов указывают на «политическое тождество» имени Русь с теми названиями, которые финны прилагают к Швеции и шведам,—«Руотси», «Руотсальяйнен»¹⁾. Однако, нужно принять во внимание, что нам неизвестен момент и обстоятельства возникновения у финнов этого имени; оно могло возникнуть, например, в XI веке, когда скандинавы широкой волной вливались на восточно-славянские территории и вместе с восточным славянством, так сказать в рядах его, впитав в себя это южное имя, имели соприкосновение с южными и восточными племенами финнов²⁾. Пути такой неожиданной передачи определенного имени вновь узнанному народу трудно объяснимы, но возможность подобной передачи, и притом совершенно неожиданной, подтверждается на имени финского племени «Чудь», которое почему-то славянами было усвоено западным финнам, между тем как это имя («Thiuda»—народ) прилагали ранее себе готы³⁾. Как наши предки совершенно неожиданно одно из финских племен называли готским именем, так юго-восточные финны могли с нашей Руси перенести это имя на Скандинавов, действовавших одно время (особенно в XI веке) вместе с Русью. Любопытно также тут отметить соображение И. Маркварта о том, что финское слово «Ruotsi» должно было бы быть пере-

¹⁾ См., например, у В. Томсена—«Начало русского государства», перевод, Москва, 1891 г., у Шахматова—«Введение в курс истории русского яз.», стр. 67 и др.

²⁾ Срвн. у П. В. Голубовского в статье в «Универс. Извест.», 1907 г., № 8, стр. 57—58.

³⁾ Срвн. «Введение в курс истории русск. яз.», Шахматова, стр. 40.

дано по-русски не как «Русь», а скорее—«Ручь»¹⁾. Все эти соображения тем более заслуживают внимания, что ни исторически, ни географически имя «Русь» не имеет никакой связи с территорией постоянного поселения Скандинавов. Между тем на юге можно отыскать следы возникновения этого имени. Наша летопись ставит происхождение этого названия в связь с походом Руси при Михаиле III (860 г.) на Византию («Начальный свод»), с призванием Рюрика («Повесть временных лет», но не «Начальный свод»), и относит утверждение его в Киеве к моменту овладения им Олегом («Повесть временных лет») или Игорем («Начальный свод»). Если оставим в стороне показания «Повести временных лет» о Рюрике и Олэге и примем во внимание лишь те данные, какие нам дает «Начальный свод»²⁾, то видим, что два объяснения исторического появления имени Русь в «Начальном своде» вполне друг с другом примиримы и согласуются с южным или юго-восточным происхождением имени Русь. Так мы получаем следующее объяснение возникновения этого названия. Во время похода 860 года восточно-славянские племена—и именно юго-восточная ветвь их, бывшая тогда у Константинополя,—получила там от византийцев наименование Руси, а затем после прихода Игоря с юго-востока на Днепр и утверждения его там, имя Русь, принесенное Полянами вместе с Игорем, утвердилось прочно в Киеве. Из летописного текста заключаем, что летописец стоял на той точке зрения, что имя Русь дано было впервые нашей военной дружине в Византии. И вот теперь, исходя из этого положения, мы сможем понять историко-литературное происхождение этого имени. Тут нужно принять во внимание, что имеется известное библейское место—именно у пророка Иезекииля,—где встречается данное имя в такой фразе: «Се аз навожу на тя Гога и Магога, князя Рос»³⁾; и вот сперва в византийской литературе⁴⁾ мы встречаем применение данного пророчества к северным скифским народам вообще, а затем, когда из этих северных народов в IX веке стали больше заметны византийцам славянско-черноморские племена, делавшие жестокие нападения на Византию, то это таинственно-библейское имя было приложено именно к этим племенам, что случилось, очевидно, около времени похода 860 года⁵⁾. В визан-

¹⁾ Русс см. его «Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge», Лейпциг, 1903 г., стр. 353 — 354.

²⁾ Срвн. «Разыскания о древне-русск. летоп. свод.», Шахматова.

³⁾ По гречески — Ρῶς—буквально то же имя, что и усвоенное византийскими писателями нашей Руси.

⁴⁾ Например, в толкованиях на Апокалипсис Андрея Кесарийского и Арефы.

⁵⁾ Оно встречается уже в таком применении и в словах современника Фотия.

тийской литературе мы наблюдаем следы этого процесса перехода данного названия от северных скифских народов вообще к нашей Руси в частности, когда писатель X века Лев Дьякон, в отличие от писателей предыдущей эпохи, данное библейское место толкует уже не в смысле приложения к северным скифским народам, а прямо применяет к нашей Руси¹⁾. Вполне понятно, что именно Византия, близкая и наиболее культурная соседка восточно-славянских племен, дала тем из них, с которыми лучше теперь познакомилась и которые произвели на нее более сильное впечатление, определенное географическое наименование. Таким образом, по данным греческих источников, в нашей летописи имя Русь в IX—XII веках существовало на юге—от Азовского и Черного морей до Киева, и именно сперва в Приморьи, а потом на Среднем Днепре,—с чем в общем сообразны и показания восточных писателей той эпохи. Между тем на севере лица, ищущие здесь происхождение данного имени, могут указать определенно существование его лишь во второй половине XII века²⁾. Гадать о возможности более раннего появления на севере имени Русь, конечно, возможно, но для этого нет никаких определенных данных источников; между тем фактическое появление в источниках относительно севера этого имени только во второй половине XII века легко может быть поставлено в связь с соответствующими фактами той эпохи—с падением в это время политическо-экономического значения Киева и Подднепровья и одновременно с возвышением Новгорода и вызванным этими обстоятельствами колониационным, хотя бы и весьма частичным, движением по варяго-греческому пути торгового элемента с юга на север в эту эпоху. И такое объяснение вполне соответствует летописному употреблению имени Русь, прилагаемому к Киевской территории, между тем как относительно Новгородского севера ранней эпохи X—XI веков мы встречаем тут указание другого рода: «То суть людие Новгородстии от рода Варяжска»³⁾.

¹⁾ Срвн. ст. Сюзюмова — «Об источниках Льва Диакона и Скилицы» — «Византийское Обозрение», 1918 г., т. II, в. 1.

²⁾ Именно в 1167 г., впервые, см. данные и соображения у Шахматова — «Древнейшие судьбы русского племени», стр. 56, — срвн. ст. С. Ф. Платонова в № 1 журнала «Дела и Дни» — «Русь».

³⁾ См. в упом. работах Шахматова противоположение южного имени «Русь» северному — варяги, срв. ст. П. В. Голубовского — «Универ. Известия», 1907 г., № 8.

XX.

Кроме имени Русь, что же еще принесли с собой Поляне из хозарского Приазовья, какие следы прежней жизни их в Приморьи мы можем найти затем в полянском Киеве? Прежде всего, конечно, самое свое племенное имя — «Поляне», — имя племенное в отличие от данного греками международного названия Русь, — они получили от «поля», широкого степного пространства на берегах Северного Донца или Дона, ибо на летописной XI века полянской территории, по свидетельствам самой летописи, издревле была местность лесистая и гористая¹⁾, так сказать, — типичная «древлянская»; что имя это было принесено с прежнего местожительства Полян, на это указывает как стеснение Полян со стороны кочевников около эпохи XI века в их стремлении к «полю» — на юг, так и упрочение за ними еще в X веке имени Русь, вытеснившего затем этнографически и географически прежнее имя. Кроме того, вопреки Середонину²⁾, в XI веке Полянам, в случае даже и возможности выдвижения в степь, было уже поздно приобретать новое племенное имя, — ведь это была пора уже сильного Киевского княжества, время упадка на Днестре племенной жизни. Иное дело, когда, явившись сюда в I-й половине X века, они в противоположность местному населению, получившему по контрасту название Древлян, может быть, только теперь стали зваться, как выходцы из степи, — Полянами, в то же время упрочивши за собою, как авангард воинственной Руси-завоевательницы также и это имя. Оттого-то так сравнительно поздно пришедшие сюда Русь-Поляне и неуловимы при определении ее территории; археология, как известно, бессильна помочь в определении данных о таком племени, которое, как Поляне, явились на Днепр в эпоху слишком позднюю, по существу уже христианскую. Но имена: «Поляне» и «Древляне», подобно готским «грейтунгам» и «тервингам», также и экономическо-племенные указатели характерных особенностей этих двух

1) Например хозары нашли полян «в лесе на горах, над рекою Днепровскою» — «сидящая на горах сих в лесе» и т. п.

2) См. «Истор. геогр.», стр. 143 — 144.

основных племен, потом распавшихся на ряд других. Далее здесь должно привлечь наше внимание также усвоение хозарского титула «кагана» или «хакана» киевским князьям конца X—I-й половины XI веков Владимиру Святому и его сыну Ярославу, принадлежащее писателю половины XI века, современнику Ярослава, автору «Слова о законе и благодати»¹⁾. Самое серьезное внимание наше должно привлечь к себе это наименование Киевского князя титулом несомненно хозарского, вообще тюркского юго восточного происхождения, усвояемое при том современником, древнейшим писателем, жившим ранее авторов «Начального свода» и «Повести временных лет», и при том примененное им в торжественном похвальном слове — в эпоху, последовавшую после падения Хозарского царства и принятия Русью христианства. Если бы Поляне были связаны с Хозарами лишь стариной, кратковременной, давно кончившейся данью, то вспоминать об этом в похвальном слове в честь князя, ничего общего не имевшего с Хозарами, спустя 200 лет после момента платежа дани, было бы совершенно неуместно, — более прилично было бы в таком случае почтить Киевского князя, например, скандинавским титулом «конунга» или византийским — «цесаря» или «базилевса». Несомненно, что титул «кагана» для киевских Полян — слушателей проповедника — имел еще определенное реальное содержание и ясное историческое значение вследствие сравнительно недавнего еще переселения Полян из недр Хозарского царства и продолжающихся связей с юго-востоком, незадолго пред тем оживленных в момент прихода в 20 гг. XI века Мстислава Тмутараканского. Стало быть, Поляне, уйдя из Хозарии, принесли оттуда с собою в Киев черты хозарского государственного устройства и уклада жизни, и это тем более, что помимо слова о «Законе и Благодати» имя «каган» или «хакан» применяется к русскому князю и в «Слове о полку Игореве», и у восточного писателя Ибн-Даста²⁾, и в Бертинских анналах под 839 годом. Почему титул «кагана», торжественно примененный к Ярославу, после него вскоре исчезает, — это объясняется обстоятельством жизни Ярослава, с одной стороны с трудом утвердившегося на Днепре, где пришедший Мстислав был как раз представителем Хозарского-Кавказского элемента, а с другой стороны, — с западноевропейскими связями, а также и византийскими самого Ярослава и его семьи, которые должны были повлиять на привнесение новых черт и наименований в государственный уклад Киевской жизни, почему в летописях на рубеже XI—XII века следов от «каганата» мы уже не встре-

¹⁾ См. «Прибавление к творениям св. отцов», ч. I. Москва, 1844 г. стр. 233.

²⁾ См. в упом. кн. Гаркави, стр. 267.

чаем¹⁾. Таким образом мы получаем возможность говорить об эпохе Киевского «каганата», перешедшего сюда с юго-востока и длившегося около столетия, если не больше, и эта эпоха говорит о своей родине, о месте своего происхождения, указывая на степной юго-восток. В таком случае, заслуживает отчасти внимания и та «свежая и живая» полемика автора «Слова о законе и благодати» против еврейства, которая станет для нас понятна лишь в том случае, если мы представим, что еврейство, столь сильное в Хозарии, исповедывавшееся ее «каганом», было занесено вместе с Полянами из Хозарии в Киев и, после принятия и утверждения в Киеве христианства, вызвало здесь живую борьбу христианства с иудейством, стремившимся оспаривать у христианства его приобретения²⁾. О силе еврейства и его идей в Киеве в XI и начале XII века свидетельствуют как Киево-Печерский Патерик³⁾, так и Киевские события 1113 года. В связи со всем этим можно поставить также и то загадочное имя Киева, о котором говорит византийский писатель середины X века Константин Багрянородный. В IX главе его сочинения «О народах» или «Об управлении Империи» читаем: «Киев, который получил название Самбатас»⁴⁾, — получил, очевидно, недавно и, во всяком случае, вновь вместо прежнего. Это невыясненное и вскоре забытое в Киеве имя «Самбатас» созвучно тому хозарскому городу «Самбараю», который открыт недавно опубликованным древне-еврейским документом⁵⁾, а с другой стороны напоминает называемую в другом древне-еврейском документе реку, по имени «Самбатион», находившуюся где-то в хозарских пределах⁶⁾. Отсюда, в связи с раньше приводившимися данными, естественно допустить, что имя «Самбатас» было дано Киеву Полянами около середины X века, по приходе из хозарских пределов, где они испытали сильное и продолжительное хозарское и вместе отчасти еврейское влияние⁷⁾. Поэтому данное имя известно писателю половины X века Багрянородному, но уже не встречается в источниках XI—XII веков.

¹⁾ Может быть они окончательно стерлись после киевских событий 1113 г.

²⁾ См. у проф. И. И. Малышевского — «Еврей в южной Руси и Киеве» — «Труды Киев. Дух. Академии», 1878 г., ч. III, стр. 439 — 453 и др.; возражения Г. М. Бараца — «Источники слова о Законе и Благодати», Киев, 1916 г., не обоснованы фактически и противоречат его же работам, уясняющим большое влияние еврейства и его письменности на древне-русскую литературу.

³⁾ См. у Гетца «Das Kiever Hölonkloster», Пассау, 1904 г., стр. 64 и др.

⁴⁾ См. в упом. переводе Ласкина, стр. 70.

⁵⁾ См. его перевод у Коковцова — «ЖМНПР», 1913 г. ноябрь.

⁶⁾ Как будто Терек или Кубань, — см. у П. Марголина, «3 еврейские путешественника XI и XII ст.», Спб., 1881 г., стр. 9, 11 — 12, 27, 36 — 37.

⁷⁾ Срвн. у С. Геденова «Варяги-Русь», ч. 2, Спб., 1876 г., стр. 493.

XXI.

Юго-восточные влияния должны были сказаться, между прочим, и на физическом типе Полян и других восточно-славянских выселенцев с Подонья и Приазовья, что отчасти уже можно заметить по данным Талько-Грынцевича¹⁾. Конкретным данным, подтверждающим наличие черт юго-восточного степного типа у славян в Поднепровьи, может отчасти служить портрет киевского князя 3-й четверти X века Святослава Игоревича, нарисованный отчасти нашей летописью, а также еще обстоятельнее византийцем Львом Диаконом. Летопись рисует его явно кочевнические наклонности и типичный образ жизни степняка; изображаемый Львом Диаконом плоский нос Святослава и бритая голова с висящим клоком волос также, конечно, не норманского и не чисто славянского происхождения; весь образ его, пешего воина в белой одежде и с серьгой в ухе²⁾, совсем не похож на сохранившиеся описания скандинавских конунгов и викингов, одетых в латы и доспехи. Эти данные восполняются описанными Львом Диаконом явно восточного характера жертвоприношениями Руссов, а также восточными обрядами Руссов у Ибн-Фацлана³⁾ — особенно в обряде трупосожжения, которое отмечает у Руссов и Масуди, а у наших славянских племен — Северян, Радимичей и Вятичей, как раз принадлежащих к юго-восточной хозарской группе, — наша летопись. Эти восточные примеси и влияния должны были известным образом сказаться и на языке юго-восточной Руси. С этой точки зрения можно подойти и к тому различию «русских» и «славянских» названий днепровских порогов, которые мы встречаем у Константина Багрянородного. В данном случае в «русских» названиях можно предполагать следы влияния юго-восточных народностей на язык Полян, — тем более, что попытка объяснить «русские» названия порогов из древне-

1) См. в упом. работе, стр. 122 — 125 и др.

2) См. в 9 главе в упом. переводе Попова, срвн. H. L. Niderle *Zivot starych Slovanu* — d. 1, s. 2, Praha, 1913 г., 494 стр., а также у Голубовского.

3) См. у Гаркави, стр. 96 — 101, также 129.

скандинавского языка не может быть признана вполне удачной, раз не все такие названия «поддаются объяснению из скандинавского»¹⁾ языка. В связь с этим можно поставить и то обстоятельство, что, как показала давняя полемика лингвистов по вопросу о взаимоотношениях древних говоров галицко-волынского и киевского, т.-е. уличско-древлянского и полянского, очевидно в письменных памятниках XI—XIII веков находятся особенности, позволяющие утверждать, что в ту эпоху «в Киеве говорили иначе, чем в соседних южно-русских городах»²⁾. Рассмотрение древнейших памятников русской письменности также позволяет в некоторой степени предположить несколько двойственное начало этой письменности в двух разных направлениях. Уже сличение языка договоров Олега и Игоря дает основания к выводу о резком отличии их между собою³⁾, что, как увидим, могло стоять в связи с различной средой возникновения и перевода этих договоров. Далее возможно догадываться о ведении в X веке особой уличско-древлянской летописи, следы которой можно отчасти отметить в «Начальном своде», причем заметен явный перерыв известий и смена самого характера таковых приблизительно около 945 года, т.-е. в момент, соответствующий одолению Игорем Уличей и Древлян и утверждению его с Полянами в Киеве⁴⁾. В связи с этим есть основание думать, что первые древне-русские переводы или, по крайней мере, русские переработки славянских переводов появились в близком к печенегам Поднепровьи⁵⁾ до 1036 г., т.-е. вместе — и до ухода печенегов отсюда, и ранее возвышения Киева, как культурно-просветительного центра, каковой факт летопись относит только к 1037 г.—моменту «закладки» Киева и построек в нем Ярослава. В данном случае, таким образом,

¹⁾ См. у Шахматова «Введение в курс ист. русск. яз.», стр. 91, срвн. в упом. исследов. В. Томсена, С. Геденова и др.; срвн. попытку объяснений русских названий из финского языка у А. Орлова — «Происхождение названий русских»... Вельск, 1907 г., стр. 380 — 384.

²⁾ См. у А. И. Соболевского — «Древне-киевский говор» — I кн. «Известий Отд. русск. яз. и слов. И. Академии Наук», 1905 г. и «Источники для знакомства с Киевским говором» «ЖМНПР», 1885 г., март, срвн. В. Шимановского «К истории древне-русских говоров», Варшава, 1887 г., у А. Е. Крымского «Филология и Погодинская гипотеза» — «Киевская Старина» 1898 и 1899 г.г. и отд., Киев, 1904 г., также у Шахматова и др.

³⁾ См. старую работу Лавровского «О языке договоров». Сиб. 1853 г.

⁴⁾ Срвн. соображения И. И. Срезневского — «Чтения о древне-русских летописях» — «Зап. И. Академии Наук» 1852 г., и «Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Академии Наук» 1903 г., кн. I, срвн. у М. Грушевского 360—362 стр. I т. его истории и Шахматова стр. 350 — 375 — «Разыскания».

⁵⁾ Срв. у В. М. Истрина «Хроника Георгия Амортола в древнем славяно-русском переводе», т. 2, Спб., 1922 г., стр. 290 — указание на перевод «Σχολαι» — «Печенеги».

мы вправе предполагать, что и эти переводы, и вообще начало древнерусской письменности появилось у уличско-древлянской группы в связи с их соседством и отношениями с Дунайской Болгарией и вообще южным славянством, — вероятно, еще в эпоху Симеона Болгарского (893 — 927 гг.). С другой стороны, есть следы, указывающие на появление таких переводов и переработок в местности, близкой к хозарам, и в среде, связанной с нападавшей на Царьград Русью¹⁾, т.-е. очевидно, у Руси юго-восточной — также до половины X века. Точно так же и в области религиозной: в эпоху языческую в таких явлениях как «коляда», «русалии» и т. п. мы видим влияние, идущее с юго-запада²⁾, а в божествах — «Хорс», «Сим» и «Регл» («Симаргл»), «Мокошь» — явно влияние, пришедшее с востока через Иран и Кавказ; в эпоху христианскую с юго-запада шли болгарские и вообще юго-славянские влияния³⁾, а с юго-востока — византийские, осложненные кавказскими элементами⁴⁾.

1) Там же, стр. 290, 291 — 293, срв. «ЖМНПР», 1916 г., декабрь, ст. Истрина.

2) «Коляда» от латинского «kalendae», русалии — от rosalia.

3) Срвн. у М. Д. При селк о в а «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси», Спб., 1913 г.

4) См. «Начало Христианства Руси». Вообще срвн. положение М. И. Ростовцева о том, что цивилизация Киевской Руси стояла в связи со старыми культурами юго-восточных степей и имела ориентацию именно на юго-восток и идущие отсюда влияния, — см. его статью «Les origines de la Russie kiévienne» — «Revue des études Slaves», т. II, Paris, 1922 г. и в книге его «Iranians and Greeks in South Russia», Оксфорд, 1922 г.

XXII.

Отмеченное обособление восточного славянства на три основных племенных ветви, стоявшее, повидимому, в связи с самим происхождением их, обуславливалось прежде всего географическо-экономическими причинами: под влиянием кочевнических передвижений разошедшиеся в разные стороны по трем направлениям, восточно-славянские племена очутились в общем в трех различных условиях существования: северная — среди леса, юго-западная — на черноземной лесостепи, юго-восточная — в степи; первая естественно занялась лесными промыслами — звероловством и бортничеством, а также рыбной ловлей; юго-западная сохранила старинное земледелие, как основу своего хозяйства; юго-восточная, попав в общение с кочевниками и живя близко от моря, уклонилась в сторону скотоводства и военно-торгового мореходства. В связи с этим шли и различные культурно-государственные воздействия и этнические примеси, и, в конце концов, образовалось три различных этнографических типа, охарактеризовать которые пока можно лишь со значительной степенью приближенности. Юго-западная ветвь — Древляне, Уличи, Тиверцы и Лензенины — это наиболее оседлые, мирные и культурные племена¹⁾, повидимому, чаще невысокого роста, среднего, более или менее подлинноголовые, с низким по преимуществу черепом и малым лбом, широким затылком и большим лицом, с малым носом и глазницами²⁾. Юго-восточные — Поляне, Северяне, Вятичи и Радимичи — воинственные, наклонные к передвижению и набегам племена, — повидимому, высокого роста, в значительной мере подкороткоголовые, с умеренно развитым и умеренно высоким черепом, с малым лбом, средним затылком, малым лицом, уме-

¹⁾ Срв. Антоновича «Раскопки в стране древлян», стр. 19—20, Середонина «Историческая география», стр. 125, 132, 146, статья Корфа — «ЖМНПР», 1916 г., ноябрь, стр. 104 и др.

²⁾ См. упом. работу Антоновича «Раскопки в стране древлян», стр. 11—12, в упом. работе Талько-Грынцева «Опыт физической характеристики восточ. славян», стр. 62—67, 109—111 и др.

ренным носом¹⁾; это скорее всего,—те, руссы, не чуждые финско-тюркских черт быта, которых в 922 году видел на Волге Ибн-Фацлан²⁾. Северо-западные,—Ладожско-Ильменские Словене и Кривичи, не чуждые смеси с финнами и отчасти с норманами, надолго закоренелые язычники³⁾,—видимо высокого роста, среднеголовые, с высокими умеренной величины черепами, малым лбом, широким затылком, с умеренными размерами лица, средним носом и малыми глазницами⁴⁾. Каждая из данных ветвей имела свои особенности в языке, восстановить которые ныне нет надлежащей возможности, но следы которых подмечаются специалистами в ныне существующих говорах⁵⁾. Эти особенности трех данных групп восточного славянства, проявившись в VII—IX веках, в X—XI веках были нарушены вследствие происшедшего передвижения племен, вызвавшего их соприкосновение и смешение между собою.

¹⁾ Там же, у Талько-Грынцевича, также у В. А. Городцова «Древнее население Рязанской области» — «Извест. отд. русск. яз. и слов. И. Академии Наук», 1908 г., кн. 4, стр. 146 и др.

²⁾ В упом. работе Гаркави, стр. 93—101, срв. у Д. Н. Анучина «Сани, ладья и кони, как обряд погребения», Москва, 1890 г., стр. 73 и след.

³⁾ Срвн. у Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь», Спб., 1914 г., стр. 140—143 и др.

⁴⁾ См. там же, у Талько-Грынцевича и др.

⁵⁾ См. у А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка», Спб., 1915 г.

XXIII.

Общую картину изменений и передвижений, испытанных всеми тремя ветвями восточного славянства за эпоху VII—X веков, можно приблизительно так себе представить: северная или первоначально северо-западная ветвь (предок современного «окающего» населения), двинувшись приблизительно в эпоху VIII—IX веков с запада, около IX века заняла территорию между Полоцком на Западной Двине и Гнездовым (у Смоленска) на верхнем Днепре, подвигаясь на север вплоть до Ладоги. Восточная группа (предок «окающего» населения) от Азовского моря и Прикавказья, от Тмутаракани и сопредельных мест, через хозарский Итиль потянулась частью в IX приблизительно веке на север по Волге, тогда очень бойкой торговой артерии, доходя до Ростова и, может быть, даже севернее. Юго-западные племена сосредоточивались в общем все время по Днепру до Припяти и Десны — от моря Черного и устья Дуная, имея своими центрами Пересечен (по Днепру значительно южнее ¹⁾ Киева), Искоростень на Волини, Любеч и предшественник Киева (остатки коего найдены на Подоле у Иорданской церкви). Вторая половина IX века, в связи с передвижением Угров и Печенегов, прежде всего вывела из колеи восточное племя; с главного места своего поселения — Подонья и Приазовья — оно двинулось на север по Оке и на запад к Днепру и тем потеснило юго-западные племена тоже к западу — по направлению к Галиции, с сохранением для них Волини и Подоллии. Между тем северные племена, двигаясь на восток, делают естественный нажим на выдвинувшиеся далеко на север части восточной ветви, вследствие чего те вынуждены были вновь повернуть к югу, но только более западным путем — по Оке к Десне. Отсюда, можно думать, в X веке и XI, совершив это передвижение на юг, вышедшие некогда с юго-востока северяне, — наиболее северное из юго-восточных племен, — создают Черниговско-северское княжество, в эпоху Мстислава, в 20-х гг.

¹⁾ Срвн. указание Спицына на Княжий городок, как более древний, чем Киев, местный центр, — в кн. «Сборник ст. посв. Платонову», Пгтр. 1922 г., стр. 10.

XI века, пополнившееся от прилива населения той же юго-восточной группы, только более южной его части. Между тем юго-восточные Поляне в X—XI веке, при участии покоренного элемента юго-западной группы, организуют Киевское княжество. Дальше на север из смеси столкнувшегося около рубежа X и XI веков северного и юго-восточного племен устраивается затем своеобразная Суздальская земля. Наконец обстраивается северный Новгород, с конца X—в XI веке являющийся яблоком раздора и притязаний северо-западного Полоцка, северо-восточной суздальщины, полу-юго-западного, полу-юго-восточного Киева и напирających через Балтийское море и Ладогу скандинавов. И вот тут-то, уже в XI веке и, во всяком случае, не ранее конца X, завязывается узел тех племенно-политических и государственных отношений на Руси, которые были ясны и доступны для понимания начального летописца, повлияли на весь ход его представлений о начальной жизни Руси и были отражены им в летописи и через него заповилили и наше внимание, но которые по существу представляют собою уже вторую эпоху в истории восточного славянства, второй этап в развитии государственности у него. Только уяснив себе это и с этой точки зрения подошедши к начальной русской летописи, мы начнем понемногу проникать в таинственно-загадочную жизнь восточных славян VII—X веков. Во время указанных выше передвижений, в эпоху до половины X века, у каждой из названных групп восточного славянства, в пору их еще особого существования, сложились свои особые черты у каждой из них и в области зачатков государственности, что было обусловлено, повидимому, как их происхождением, так и разнообразными передвижениями, ставившими их в связь с разными соседственными воздействиями; в зависимости от этих воздействий каждая из трех племенных групп развивала в себе различные начатки государственности. Юго-западная группа, судя по данным летописи, сохраняла родоплеменный быт, основанный на вечевом укладе, и княжеская власть у нее, появившись еще, повидимому, в VIII веке и, во всяком случае, не позже IX, носила чисто местный племенной характер, связанный с племенным вечем и развивалась, очевидно в связи с возвышением «лучших людей» земли¹⁾. Юго-восточная группа — Русь, — под влиянием хозар и других торгово-кочевых элементов юго-востока, образовала союз не чисто племенной, а военный, смешанный, основанный на общности военно-экономических интересов — в целях осуществления грабежа и дани на том бойком торговом пути, близ которого она жила²⁾; она создала у себя подобие хозар-

1) Срвн. сведения о древланах в летописи под 945 — 946 г.г.; возможно, конечно, и более раннее происхождение у них княжеской власти.

2) Срвн. известия о походах Руси на Каспийское море, о связях ее с хазарами и сообщение летописи о походе Мстислава из Тму-таракани к Днепру в 20-х годах XI века.

ского каганата, существование которого мы замечаем уже в первой половине IX века¹⁾; более же северная часть вступила в связь с камскими болгарами. Что же касается новгородских Словен и полоцких Кривичей, то организаторами их военно-княжеского союза, тоже не единоплеменного, оказались соседи — прежде всего Норманы, явившиеся по существу завоевателями и давшие в эпоху IX—X века князей викингов²⁾, причем у Западно-Двинских Кривичей в Полоцке возможно допустить происхождение княжеской династии и по связи с балтийскими славянами³⁾ — в эпоху вероятно ранее X века, — и в таком случае норманское влияние здесь должно считать уже вторичным явлением — эпохи распада племенного единства.

1) Срвн. «Известия Бертинских анналов», 839 г.

2) Срвн. «Летописные известия», 862 г. и др.

3) Срвн. ст. Петровского «О Новгородских словенах» — «Известия отд. русск. яз. и слов. Р. Академии Наук», 1922 г., т. XXV.

XXIV.

Главным историческим деятелем в деле нового соприкосновения разбросанных в разные стороны племенных групп восточного славянства оказались племена юго-восточной группы, как потому, что, в силу своего географического положения, они первыми были сдвинуты со своих насиженных мест натиском двинувшихся Угров и Печенегов, направлявшихся с востока на запад, так и потому, что они — Русь по преимуществу — были, как отмечалось, более подвижны и воинственны и по своей разноплеменности более пригодны для создания нового более сильного и сложного военно-торгового государства. Данное движение юго-восточных племен, начавшееся во время для наших летописцев давнее, точно неизвестное, забытое народной памятью, тянулось долго, во всяком случае значительно дольше столетия, и совершалось еще собственно и на глазах первых русских летописцев. Поэтому последние, не помня начала этого движения и не уясняя себе всего характера и значения его в целом, а припоминая лишь смутно и отрывочно отдельные эпизоды его — движение Угров, борьбу Полян с Древлянами и Уличами и т. п., — довольно хорошо знают один из позднейших моментов этого переселения, по которому в известной мере можно судить и о начальном моменте его. Мы имеем в виду описанное в начальной летописи движение с юго-востока в 20-х годах XI столетия Тмутараканского князя Мстислава к Днепру. Очевидно, как и его предшественники, Мстислав со своей ратью двинулся с целью переселения, ибо после назад в Тмутаракань он не возвращался, да и народные массы, приведенные им, задержались здесь у Днепра. Пошел он по тому же старому пути и к той же цели, — к Днепру и Киеву. Так же как и прежде, пришедшая с юго-востока рать Мстиславова далеко не была единоплеменной — чисто славянской, — с ним пришли те же Хозары и кавказские Касоги. И причина передвижения была сходная: как на рубеже IX — X века с востока напирала кочевники, так продолжали они теснить и теперь, к чему присоединилась еще как раз в это время происходившая вблизи Тмутаракани борьба Византии и Абхазо-Имеретии. Как в движении Мстислава, так и вообще в рус-

ско-славянских передвижениях с юго-востока большую роль играли кочевые степняки; эта роль их подтверждается позднейшими фактами, известными из летописи за XI—XIII в.в.; она обуславливалась совместными передвижениями тех и других, их постоянным взаимообщением, сожительством и самым продвижением по одним и тем же путям, — чем и объясняется то громадное влияние юго-восточных степных кочевников, какое имели Торки, Половцы и Черные Клобуки на представителей власти и народ Киевской Руси в летописную эпоху XII века¹⁾. Определенные факты в силу самого состояния наших источников — летописи — в этом направлении получаются за эпоху более позднюю — XI—XIII в.в., но вполне естественно восполнять по аналогии недостающие данные подобного рода и относительно эпохи более ранней — IX—X веков. При своем движении с юго-востока к Днепру Игорь Старый в X веке так же не мог обойтись без степных кочевников, как и Мстислав Тмутараканский в XI веке, как и князья XII века, хотя последние в это время как будто и крепко сидели уже в Киеве.

¹⁾ См. у П. В. Голубовского «Печенеги, Торки и Половцы до нашествия татар. История южно-русской степи IX—XIII веков», Киев, 1884 г. (из «Универс. изв.»), особенно стр. 151—158, 169—174, 224—226, 228 и др.

Первое движение юго-восточной Руси к Днепру должно было начаться — еще на рубеже IX — X веков в связи с передвижением Угров в Западную Европу и вторжением Печенегов в Черноморско-Азовские степи. Но мы видели, что летопись, смутно обо всем этом припоминающая, говорит, что утверждение славян на среднем Днестре досталось им — что вполне естественно — лишь после крайне напряженной и долгой борьбы с местными племенами Древлян и Уличей. Между прочим, в связь с более настойчивым устремлением Полян к Днестру можно поставить неудачный поход Руси около 913 г. по Каспийскому морю, закончившийся гибелью большого отряда ее на обратном пути из этого похода на Волге¹⁾, — каковой факт, очевидно, был проявлением тех же колонизационных устремлений судорожно метавшейся тогда во все стороны юго-восточной Руси. Но самое утверждение Руси на Днестре нужно отнести к эпохе князя-кагана Игоря Старого, которому «Начальный свод» вполне определенно приписывает решительную победу на Днестре над Уличами с удалением последних затем отсюда, и «Повесть временных лет» вообще — затяжную борьбу с древлянами уже на Запад от Днестра. В соответствии с этим некоторые летописи²⁾ рисуют именно Игоря тем князем, который упрочился в Киеве путем захвата власти в нем после борьбы у Угорского, а писатели одиннадцатого века — автор «Слова о законе и благодати» и Иаков Мних возводят к нему начало Киевской княжеской династии, именуя его поэтому Старым и не зная старшего представителя этой династии. Византийские источники³⁾ знают князя Киевской Руси Игоря и тем подкрепляют историческую достоверность летописных

1) См. у Гаркави, стр. 130 — 133, срвн. у Григорьева, стр. 6 и сл.

2) Начальный свод Длугош и его первоисточник — летопись Перемышльская или Галичская, иначе Южно-Русская — срвн. у Семковича — *Krutyszny gozbior dziojow Jana Dlugosza, Krakow 1887*, также и И. А. Линниченка — «ЖМНПР», 1887 г., в «Разысканиях» Шахматова, стр. 316—319, 342, 348 и др.

3) Лев Диакон, Константин Багрянородный.

сообщений об Игоре. Вместе с тем из византийских же источников мы получаем возможность с доступной точностью датировать время княжения Игоря Старого в Киеве, что особенно важно ввиду того, что ныне, как отмечалось уже, установлено произвольное и чисто искусственное построение нашей летописной хронологии данной эпохи и в частности констатирована искусственность и нагромождение посторонних известий в данных «Повести временных лет» об Игоре¹⁾. Именно мы имеем у продолжателя Византийской хроники Георгия Амартола отнесение походов Игоря на Византию к 941 году²⁾. Этот поход 941 года, нужно думать, был предпринят Игорем еще с юго-востока ибо, во-первых, Лев Диакон³⁾ указывает на возвращение Игоря с этого похода по Черному морю в Керченский пролив, а не к устью Днепра, и, во-вторых, события утверждения Игоря на Днепре должны были крепко привязать его к этой территории и не могли ему позволить выступить в далекий поход на Царьград. Таким образом, неудача византийского похода бросила Игоря во главу двигавшихся к Днепру колонизационных волн с юго-востока, и тогда он пробирается по нижнему Днепру, борясь с Уличами⁴⁾. Взятие Пересечна, после трехлетней осады, около 944 года дало Игорю возможность прорваться по Днепру вверх к месту нынешнего Киева — к Угорскому, и так спутанная и комбинированная из разных преданий, описанная летописцем катастрофа у Угорского⁵⁾ должна была произойти около 944—945 г.г. Победой у Угорского Игорь получил возможность стать вооруженным лагерем на правом берегу Днепра. Здесь, видимо, в борьбе с ним гибнут древлянские князья Аскольд и Дир⁶⁾. Но другие князья местные — Свенельд⁷⁾ и Мал⁸⁾ — продолжают борьбу, и очень скоро после овладения

1) Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 97—108, 118, 315—319 также у М. Грушевского, I т. «Истории Украины-Руси», 2 изд. стр. 362, 391.

2) См. греческий текст по Ватиканскому списку № 153 у В. М. Истрина «Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе», т. 2, Птрг., 1922 г., стр. 60.

3) В главе 6-й.

4) Что Игорь вел борьбу с Уличами на Днепре, а не на новом, — более западном месте жительства их, об этом говорит как прямой смысл текста начального свода, так и все направление движения Игоря к Днепру и по Днепру, а равно и защищенность нового местожительства Уличей от ударов Полян благодаря нахождению между ними и Полянами по пути Древлян, которые еще не были сломлены Игорем тогда.

5) Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 319—323, у М. Грушевского, стр. 363 и др.

6) Срвн. 212 стр. книги С. Гилярова «Предание Начальной Русской летописи», Москва, 1878 г., где приведен один летописный вариант, сообщающий, что Игорь был убит «Малдитом князем, наследником Дировым, Древлянским государем».

7) Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 364—365 и др.

8) Иначе Мальдит, Нискина или Мистиша — срвн. у Шахматова, там же.

Угорским Игорь, не дошедши до Древлянского центра Коростеня, погибает в этой борьбе около 945—946 г.г.¹⁾ Все эти факты должны были стоять хронологически близко в тесной связи между собою, ибо Игорь, ввязавшись в борьбу с Уличами и соединившимися с ними Древлянами, неотвратимо должен был вести ее, не уходя отсюда, пока не погиб. Значит, поход на Византию, взятие Уличского Пересечна и овладение Киевом — факты княжения Игоря, связанные друг с другом генетически и хронологически. Поэтому общую мысль А. А. Шахматова о водворении Игоря Старого в Киеве около 940 г.²⁾ можно признать по существу верной, но лишь с оговоркой, что взятие Киева было позже похода на Византию и взятия Пересечна, т.-е. около 944 г.

¹⁾ Срвн. у Шахматова, там же.

²⁾ См. «Введение в курс истории русского языка» Шахматова, стр. 71.

XXVI.

Перейдя от обнаруженного рядом данных начального факта истории Восточного Славянства — обособленного существования трех племенных групп в разных углах территории Восточной Европы — прямо к эпохе киевского князя 40-х г.г. X века, Игоря, как исторически заметному моменту выявившегося сопряжения между собою названных племенных групп — именно двух из них, — мы тем самым оставили в стороне ряд имен, стоящих в самом начале летописной истории Руси и предшествующих в ней имени Игоря. Это — Рюрик, Синеус, Трувор, Аскольд, Дир и Олег. Пройти мимо этих имен молчанием нельзя. Начнем с Олега, который по летописи связан с Игорем и которому наши летописи уделяют больше внимания, чем остальным. Обращаясь к нашим летописным показаниям об Олеге, мы замечаем, во-первых, что в источнике, откуда черпали свои сведения об Олеге летописцы, личность его была окутана легендами ¹⁾, во-вторых, что летописцы получали о нем сведения противоречивые или, по крайней мере, неясные, сбивчивые, — вследствие чего «Начальный свод» представил Олега «воеводой» Игоревым и затруднился точно указать место его смерти, допуская ее в Ладоге или где-то «за морем», а более поздняя «Повесть временных лет» представляет его Киевским князем, объединившим почти все восточно-славянские племена под свою власть, и указывает даже место погребения Олега в Киеве ²⁾. Явно противоречит более древнему «Начальному своду», текст «Повести временных лет» обнаруживает свою историческую недостоверность в рассказе об Олеге — не только, когда сообщает легендарные подробности Олеговой смерти, но и особенно — когда приписывает ему покорение всех почти восточно-славянских племен, не сопровождая сообщения об этом никакими фактическими подробностями, обходя совсем молчанием длинный период княжения Олега с 885 г. по 907 г., искусственно под-

¹⁾ См. обстоятельства похода его на Византию и смерти от укуса змеи.

²⁾ Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 315 — 319, 333 — 336, 396 — 397 и нашу статью в «Известиях русск. яз. и слов. И. Акад. Наук», 1914 г., кн. 1.

гоня все неизмеримо великие завоевания его собственно к четырем первым годам его княжения и выставляя Олега опекуном Игоря в течение целых 33 лет. Разумеется, объединение всех восточно-славянских племен исторически могло бы быть явлением лишь очень долго тянувшимся и при том делом целых поколений, и неудивительно, если после Олега мы опять читаем в летописи о новых фактах подчинения Киевской династии тех же племен, которые якобы раньше того покорил уже Киеву Олег. Ныне же, с обращением особенного внимания на текст Новгородской первой летописи младшего извода и обнаружением в нем следов «начального свода», при сопоставлении с данным этого свода, сообщения «Повести временных лет» кажутся не столько даже непонятно легендарными, сколько определенно тенденциозными ¹⁾.

Судя по начальному своду, во второй половине XI в. в Киеве были лишь неясные предания о каком-то Олеге, но твердо не знали, кто такой он был, и, во всяком случае, в тот момент предания о его княжении в Киеве еще не существовало; лишь после этого, в начале XII в., автор «Повести временных лет», узнав из обнаруженного тогда Олегова договора с Византией, что Олег был некогда «русским князем», сообразно представлениям той эпохи, признал его за Киевского князя и, за неимением о нем точных данных и в виду наличности славного, но неясного предания о нем, возвел его в совершителя того объединения восточно-славянских племен в единую Русь, о котором он сам мечтал в соответствии с распространившимися тогда на Руси идеями. Из показаний начального свода несомненно, по крайней мере, одно: Олег не был в Киеве князем, ибо иначе автор этого древнего свода не назвал бы его «воеводой Игоревым» и не сказал бы о нем так: «Иде Олег к Нову Городу, и оттуда в Ладогу. Друзии же скажутъ, яко идушу ему за морю, и уклюну змиа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозе». Невозможно допустить, чтобы об известном киевском князе мог поместить в летописи такое известие киевский летописец. Та же Новгородская первая летопись, содержащая это известие, ясно показывает, что ее автор, имея неясные сведения об Олеге, искусственно старался как-нибудь пристегнуть Олега к Игорю, объединить их деятельность ²⁾. Вообще из внимательного сопоставления данных «Начального свода» и «Повести временных лет» ясно видно, что нельзя простодушно и легковерно пользоваться нашими летописными показаниями об Олеге,—нужен тщательный анализ их и использование других возможных источников.

¹⁾ Срвн. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 315 — 319 и в упомянутой статье, также в первом томе «Истории Украины - Руси», М. Грушевского, по 2 изд., стр. 366 — 367 и др., так же в ст. Корфа — «ЖМНПР», 1909 г. июль.

²⁾ Срвн. летописное сообщение под годами 6428, 6429, 6430.

XXVII.

Недавно, в 1912 г., американцем Шехтером открыт древний еврейский документ, в котором упоминается «царь Руси Хальгу», принимаемый учеными ¹⁾ за одно историческое лицо с нашим летописным Олегом Вещим. Этот документ, по происхождению X в., дает об Олеге следующие данные: именуя его «Хальгу» и «царем Руси», говорит о союзе его с Византийским императором Романом (Лекапином, 919 — 944 г.г.) и о посылке последним первому «больших даров», рассказывает о взятии этим Хальгу «воровским образом» ночью «Хозарского города Самбарая» ²⁾, сообщает далее, что хозарский полководец после этого пошел войною на Олега, победил его и отобрал добычу, взятую Олегом из Самбарая, после чего заставил Олега силою оружия и обещанием «отступить от него», заключить наступательный союз против Византии, понудив его к морскому походу на Константинополь. После 4-месячного похода Олега византийцы «осилили огнем на море» Олега, истребили его богатырей и вынудили его бежать. Он двинулся с остатком своего «стана» в Персию ³⁾ «и пал там он и весь стан его», после чего «стали русские подчинены власти Хозар». Из этого рассказа очевидно, что Олег умер не ранее 920-х годов, что он был «царем Руси» на юго-востоке вблизи хозарских вож, ибо мог «воровским образом ночью» напасть на хозарский город и завладеть им и потом, с другой стороны, дома у себя легко мог быть окружен массой хозарского войска, так что вождь последнего в виде угрозы обещает «быть здесь» — очевидно в центре владений Олега, — и «не отступать, пока не отмстит», а затем быстро и без труда находит добычу, взятую Олегом из Самбарая; наконец, Олег погибает где-то далеко на юго-востоке, после чего его Русь, — конечно, не Киевская 920 — 930 г.г. —

¹⁾ П. К. Коковцевым — «ЖМНП», 1913 г., ноябрь, Шахматовым — «Введение в курс русского языка», стр. 73 и др.

²⁾ Непонятно, почему Коковцев видит тут Тмутаракань: ведь Самбарай — город Хозарский, потом покинутый Олегом; тем менее, конечно, вероятно догадка Шехтера о том, что здесь разумеется «область Северян».

³⁾ Или Фракию, — что менее вероятно.

подпадает под власть хозар. Данный документ интересен в том отношении, что несколько датирует эпоху жизни Олега, называя его современником Византийского императора Романа Лекапина (919 — 944), и тем показывает недостоверность летописной хронологии, а с другой стороны дополняет характеристику событий того времени, в недоразумении с хазарами позволяет видеть одну из причин того движения юго-восточной Руси к Днепру, которое привело Игоря в Киев. Вместе с тем очевидно, что к приведенным данным о Хальгу или Олеге совершенно не подходит Киевская Русь: она имеет в это приблизительно время другого князя — Игоря, ведущего упорную борьбу на Днепре, она в эту эпоху имеет иные пределы и другие интересы, — ей далеко до хозар, поход в Персию или Фракию для нее совершенно немыслим географически, нет также данных, которые позволили бы допустить подчинение Киевской Руси и притом вновь хозарам во второй четверти X века. Таким образом древне-еврейский документ, как и Начальный Свод, не рисуют Олега ни Киевским князем, ни сколько-нибудь определенным киевским историческим деятелем, и, во всяком случае, смерть его довольно согласно указывают далеко от Киева. Эти данные об Олеге, как князе Руси, действующем приблизительно одновременно с Киевским Игорем и отдельно и далеко от Киева и при том на юго-востоке, вблизи хазар, на море, недалеко от Византии и Персии, — эти данные укрепляют нашу позицию в вопросе об обособленном существовании в начале X века Руси юго-восточной отдельно от юго-западных племен. Но как быть тогда с Олеговым договором с Византией?

XXVIII.

Приводимый «Повестью временных лет» «договор Олега с Византией», относимый к 911 г.¹⁾, величает Олега «великим князем Русским», но отнюдь не связывает его с Киевом или другим городом Руси. Данные Олегова договора представляют его владения соприкасающимися с Черным морем²⁾, так что ладьи его Руси постоянно обращаются на этом море, что вполне применимо к юго-восточной Руси, — во всяком случае больше, чем к Киевской; хронология договора так же сообразна с показаниями отмечавшегося еврейского документа, поскольку может указывать на начало военно-политической карьеры Олега, а не конец ее, как ошибочно приняла «Повесть временных лет». Если для сравнения обратимся к договору Игоря 945 г., то увидим, что текст определенно связывается тут с Киевом и ближайшими городами, есть указания на успехи Игоря на нижнем Днепре в недавней борьбе с Уличами³⁾, есть также указание на различие людей Киевского княжества на две группы — «некрещеную Русь» и тех, «елико крестилися», что может соответствовать различию между победителями Полянами и побежденными Днепровскими аборигенами. Сравнивая договоры Олега и Игоря, мы можем заметить происходящую смену эпох в истории Руси данного времени: в Олеговом договоре Византия имеет дело с Русью на месте ее старого обитания на юго-востоке, а в Игоревом, по истечении трех десятилетий, Византия замечает уже Русь утвердившуюся на новом месте — на Днепре и, соответственно происшедшей перемене, заключает с ней договор на

¹⁾ Договор 907 г. оставляем в стороне, так как он испытал на себе более сильное редакционное влияние со стороны летописного сводчика, если только совсем не скомбинирован им, — см. у Шахматова «Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря» — «Записки Неофилологического общества», 1914 г., 8 вып.

²⁾ Конечно, не на северо-западе его, где мы не видим следов Руси, а в том направлении, которое намечает Византия с X в. Лев Диакон, указывающий путь движения Игоря с Византии в Русь чрез Боспор Киммерийский, — срвн. в договоре Олега текст статьи — «Аще вывержена будет лодья великим ветром на землю чужу...»

³⁾ См. в договоре «А о корсунстей стране... устьи Днепрстем... Русь зимовати в устьи Днепра»...

новых началах. Во всяком случае, помещенный в «Повести временных лет» Олегов договор с Византией вовсе не является подкреплением ее сообщений об Олеге и нисколько не противоречит устанавливаемой точке зрения на него и не нарушает принятого нами хода начальной истории Руси; а то обстоятельство, что в Олеговом договоре, в ряду приведенных многих имен, вовсе не упомянут Игорь, решительно говорит против летописного представления взаимоотношений Олега и Игоря, как опекуна или воеводы первого по отношению ко второму.

XXIX.

Однако, вопрос об Олеге, как историческом деятеле юго-восточной Руси, осложняется теми северными чертами, какие мы находим: в «Повести временных лет» — новгородские и в «Начальном своде» — ладожские, с указанием Олеговой могилы в Ладоге. Таким образом несомненно, что в наш летописный образ Олега на основе юго-восточной привзошли новые элементы от соименного деятеля с севера. Если принять во внимание наблюдение Шахматова о том, что летописные припоминания не восходят дальше эпохи Ярослава ¹⁾, и что летописные рассказы о событиях более отдаленной поры «окраску рассказа» и кое-какие черты и даже факты заимствовали из «событий более близких к летописцу и лучше им исследованных» ²⁾, — то мы вправе в одном северном герое первой половины XI века усмотреть тот первообраз, с которого были взяты черты, подновившие свежими красками потускневший за сто лет образ юго-восточного Олега. Как раз в эпоху Ярослава на севере мы встречаем одну личность, которую, думается, мог в данном случае использовать летописец. Мы имеем в виду следующее летописное сообщение: Ярослав «идя к Киеву, посади в Нове городе Коснятина Добрыница, и родися у Ярослава сын Илья и посади в Нове городе и умре; и по сем разгневался Ярослав на Коснятина и заточи и» ³⁾. Это новгородское известие является каким-то странно обрезанным, явно преднамеренно оторванным; вместе с тем заслуживает внимания то обстоятельство, что имя данного сына Ярославова совершенно другого рода по сравнению с именами других его сыновей, а также и то, что «Повесть временных лет» вовсе ничего не знает о таком сыне Ярослава, хотя обнаруживает хорошую осведомленность обо всех Ярославичах и даже указывает точные даты их рождения ⁴⁾; наконец, из

¹⁾ См. «Разыскания о древнейших русск. летописных сводах» Шахматова, стр. 464 — 465, 487 — 488 и др.

²⁾ Там же, стр. 480 — 481, 489 и др.

³⁾ См. списки новгородских князей в новгородской первой летописи, — срвн. показания летописи о Коснятине: Софийской I, Воскресенской, 4 Новгородской, Никоновской, Тверской.

⁴⁾ Срвнв. «Разысканиях», стр. 488.

текста летописного заметно, что это необычайное княжение Илии стоит в какой-то связи с новгородскими осложнениями у Ярослава, явно затушеванными у летописцев ¹⁾). Все эти данные заставляют видеть в этом новгородском князе Илии скорее не сына Ярославова, а его соперника, и если принять во внимание соображение профессора М. Г. Халанского о том, что скандинавское имя Хельги — Олег — на русской почве легко могло перейти в Илью, то мы можем допустить, что в данном случае имеем дело с сознательной переработкой летописцем исторических данных о норманско-ладожском конунге Олеге, от которого летописцы и позаимствовали те северные черты, какие мы встречаем в нашем летописном Олеге ²⁾).

¹⁾ Срвн. там же, стр. 509 — 510 — иная догадка.

²⁾ Срвн. статьи М. Г. Халанского в «ЖМНПР», 1902 г., август, 1911 г., сентябрь.

XXX.

В числе недостоверных и неправдоподобных летописных известий об Олеге, на ряду с рассказами о походе на Византию и смертью его, нужно поставить и сообщение о походе Олега из Новгорода в Киев. Летописные изыскания побудили М. С. Грушевского признать весь этот поход «весьма сомнительной комбинацией»¹⁾. И действительно, помимо полного несоответствия его всему ходу начальной истории восточного славянства, как она представлена выше, помимо отмеченного позднего происхождения северно-новгородских черт в образе Олега, — это сообщение само в себе носит черты несообразности и неприемлемости: данный поход Олега и Игоря и завоевание ими Киева представляют собою нагромождение имен (сразу 4 князя) и фактов (быстрое завоевание всего огромного и трудно проходимого пространства от Новгорода до Киева включительно), лишены фактических подробностей — даже легендарных, — что лишает рассказ связи с народным преданием, обычно запоминающим эпизоды, а не голые имена, в самом совершении своем шуточно-просты и неестественны (факт убиения Аскольда и Дира, овладение Киевом без борьбы) и при этом не лишены противоречия в своих подробностях, — как, например, в рассказе о погребении одновременно убитых Аскольда и Дира в разных отдаленных местах, затем — о том, что князь, пришедший из Новгорода в Киев и победивший здесь, заставляет Новгород же платить дань Киеву. Кроме того, эти данные опровергаются также и последующими летописными сообщениями, — например, известиями об установлении связи Новгорода с Киевом лишь в 970 г., о подчинении Киеву лежащих по прямому водному пути между ним и Новгородом Радимичей только в 984 г. Затем, вопреки общему ходу истории, по этому рассказу государственность приносится с некультурного тогда севера к более культурному югу, связанному с такими культурными центрами, как, например, Византия. Наконец, культурно-археологические находки и другие данные дают основание предполагать, что прямой Балтийско-Днепровский путь, по которому якобы Олег

¹⁾ См. «Историю України - Руси», 2 изд., т. I, стр. 367.

и Игорь прошли из Новгорода в Киев, фактически не существовал до второй половины X века ¹⁾). При всем этом данное сообщение явно использовано летописцем с определенной тенденцией и обнаруживает стремление к компромисному примирению разных известий ²⁾). Любопытно также сопоставить данный рассказ с топографическо-археологическими данными города Киева: Олег, приплыв к Киеву, попадает под Угорское, здесь прячется и обманным образом заманивает в ловушку местных князей. Между тем Угорское, отождествляемое с так называемой Аскольдовой могилой, обнаруживает неприступность по причине своей крутизны и потому не могло служить пристанью для купцов, а было исторически крепостью, защищавшею подступ к Киеву от степного юга ³⁾), и лежало оно к тому же от Киева к югу, а не к северу. Таким образом самая топография Киева говорит о том, что катастрофа у Угорского произошла в результате нападения с юга, а не хитрости, употребленной пришельцами с севера. В таком случае, погибших при защите данной территории Аскольда и Дира естественно считать местными племенными древлянскими князьями ⁴⁾), погибшими при отражении натиска юго-восточной Руси, причем Аскольд был убит при самой переправе — у Угорского, где и погребен, а Дир — несколько западнее, при дальнейшей защите своей территории. Если принимать за летописного Дира того «первого из славянских царей», которого знал с этим именем во второй четверти X века Масуди ⁵⁾), то, во-первых, — получаем новое доказательство, получаем новое данное в пользу верности принятой выше хронологии момента утверждения Игоря в Киеве, и, во-вторых, в лице Дира мы должны видеть старшего или главного древлянского князя той поры, эпохи 930—начала 940-х г.г.

¹⁾ См. данные в упом. работах А. Шеленговского «Najstarsze drog iz polski na Wschod»... также у Т. А. Арне «La Suède et l'Orient» стр. 220 — 228 и др.

²⁾ Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 291 — 293.

³⁾ См. данные Ипатьевской летописи об «Угорских воротах» — 1146, 1151, 1161 г.г.

⁴⁾ Срвн. приведенный Ф. Гилляровым — «Предания начальной русской летописи», стр. 212.

⁵⁾ См. у Гаркави, стр. 137.

Отбрасывая рассказ о походе Олега и Игоря из Новгорода к Днепру и об овладении ими таким путем Киевом, как не исторический, искусственно скомбинированный, мы тем самым отрицаем чисто придуманную связь, в какую поставляется летописью по отношению к южному Игорю северный Рюрик, связанный с преданием о призвании князей, испытавшим на себе, как мы выше видели, тенденциозную редакционную обработку летописного сводчика, объединившего в данном случае разные предания ¹⁾. Сохраненное северным преданием имя Рюрика не больше как темное имя какого-то северного князя, одно из бесцветных, случайных в истории имен, которое случайно попало в фавор у летописцев и историков, в лучшем случае — это имя князя, имевшего какое-то значение лишь в местной ладожско-новгородской истории, скорее всего X века, причем возможно хронологически Рюрика приблизить к эпохе Святослава ²⁾. Что же касается Синеуса и Трувора, то, как показали изыскания Шахматова ³⁾, это — имена местных князей, о коих вспоминали на местах предания, причем они ничего общего с Рюриком не имели, а только были с определенной целью к нему прилажены летописным сводчиком; как и Рюрик, они скорее — деятели X века. К числу таких же, как и эти, местных князей, хотя действовавших в иных условиях, нужно отнести и героев борьбы юго-запада с юго-востоком — Свенельда и Мала Древлянских. Свенельд, богатство коего, по летописи, раздражало аппетиты Полян, дружинников Игоря, и которого «Начальный свод» ставит в одинаковое с Олегом положение «воеводы Игорева» и поставляет в какую-то неясную связь с Уличами и Древлянами, был скорее всего, как догадывался Шахматов ⁴⁾, древлянским князем, по соседству и в зависимости от которого поселились Уличи — «межи Бугом и Днестром» — после того как побежденные были сдвинуты

¹⁾ Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 291 — 295, 312 — 317.

²⁾ Об этом см. ниже.

³⁾ «Разыскания», стр. 312 — 314.

⁴⁾ Там же, стр. 365 и др.

с Днепра Игорем¹⁾. Таким же древлянским князем был и Мал, иначе называемый Малдитом, Мискиной или Нискиной; возможно, что, вопреки предположению Шахматова, это не одно лицо с «Мистишей», сыном Свенельда, а скорее, может быть, сын Дира²⁾. Таким образом летопись, как видим, содержит в себе указания на целый ряд князей древнейшей поры исторической жизни восточного славянства, которые вовсе не принадлежали к так называемым «Рюриковичам» — правильнее «Игоревичам»³⁾. Эти отрывочные конкретные данные о таких князьях имеют для себя и общую основу в известном летописном сообщении: «...держати почаше род их княжения в Полянех, а в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словене свое; в Новгороде, а другое на Полоте». К сожалению, сведения об этих племенных князьях, о характере их власти, об их взаимоотношениях и значении в жизни славянских племен, стоящая в связи с ними правда об истинном положении вещей на Руси в первое время развития государственности, — сильно пострадали от того обстоятельства, которое путем тщательного анализа летописных текстов так уяснял себе Шахматов: «Здесь сказалась историко-политическая концепция составителя Начального свода, ставившая единство земли русской в связь с единством княжеского рода. Этот единый княжеский род является эмблемой единой русской земли... Русская княжеская династия должна получить ясную генеалогию: исторически Игорь должен быть связан с Рюриком, которого Новгородское сказание называло первым князем; Рюрик — это родоначальник династии; боковые линии должны отпасть сами собой»...⁴⁾ «Потомки Рюрика представляются единственными по праву носителями власти во всех восточно-славянских землях... Эта власть не терпит рядом с собой другой власти, ревниво относясь к существованию таковой также и в прошлом»⁵⁾. От такой тенденции, усвоенной русскими книжниками XI—XII вв., был совершенно затемнен первичный, племенной период истории Руси, который в силу этого стал носить далее черты эпохи легендарной.

1) В связи с этим соответствующее место «Начального Свода» следует, думается, прочесть так: «Уличи... по сем преидоша межи Буг и Днестр и седоша тамо, и даша дань Деревскому (князю) Свенельду», в связь с чем должно быть поставлено сообщение 942 г. о дани Свенельду взамен предыдущей дани Игорю в лето 940.

2) Срвн. упом. летописный вариант, называющий его «наследником Дировым» — 212 стр. Ф. Гилярова «Предания начальной русской летописи».

3) Таковы же: в XI в. вятичский Ходот, в X в. полоцкий Рогвольд и затем его потомство, в X в. — северянский князь Черный и др.

4) «Разыскания», стр. 293 и 316.

5) «Древнейшие судьбы русского племени», стр. 59.

XXXII.

Приблизительно с момента утверждения Игоря и Полян в Киеве на Днестре можно начинать второй период восточного славянства: на смену трем обособленным государственно-племенным организациям, под разными влияниями начавшими было создавать три разных культурно-государственных типа исторического развития, идет расслоение их на ряд более мелких — летописных племен, из коих каждое, по летописному свидетельству, имело «свое княжение», причем из среды их начинает выделяться и возвышаться — не только в идеализированном представлении киевских летописцев, но в известной мере и фактически — Киевско-Полянское княжество Руси с династией Игоревичей. Последнему обстоятельству благоприятствовало общее положение вещей в ту эпоху. Около X века произошли важные события в мировой исторической жизни: к этому времени пало прежнее значение Багдадского халифата и Хозарского царства (окончательно уже в 1030 годах); южнорусские степи после Угров довольно прочно занимают печенеги; в связи с тем и другим слабеет значение прежних торговых путей и прежде всего Волги; вновь поднимается экономическое и политическое значение Византии (Никифор Фока, Иоанн Цимисхий, Василий II Болгаробойца), что отражается на торговых путях к ней и от нее, в том числе и на нашем Днестре; в Западной Европе основываются норманами новые государства и вообще начинается более правильное и планомерное движение их и участие их в европейской жизни и торговле; воссоздается (962 г.) Западная Священная Римская Империя, получающая значительную роль в международных отношениях, и т. п. Благодаря стечению такого рода обстоятельств Киев и средний Днестр оказались в счастливом месте — сравнительно недалеко от ведущего в Византию Черного моря, в водной связи с ним, и вместе в благоприятном расстоянии от степных кочевников, а также приблизительно на середине развивающегося водного пути между Византией и родиной норманов — Скандинавией и недалеко от путей на запад (Припять — Западный Буг). Таким образом, целый ряд обстоятельств мировой истории поставил теперь на

очередь вопрос о так называемом великом пути из Варяг в Греки ¹⁾. Обстоятельства эти слагаются в X веке, и только в связи с ними выявляется значение этого пути и начинает созревать потребность в нем, и затем уже начинается его использование на всем его протяжении и во всем торговом значении. Это не значит, что данный путь в X веке был совершенно вновь открыт, — в большей или меньшей степени частями его пользовались и раньше, но не на всем его протяжении: так, в IX веке и ранее — с одной стороны существовало торговое движение от Черного моря до середины Днепра, а с другой стороны — от Балтийского моря вверх по впадающим в него рекам; но верховье Днепра в это время для торгового судоходства не было еще сомкнуто с реками бассейна Финского залива; торговое значение имела тогда Западная Двина и особенно Волга, приблизительно до половины X века направлявшая Скандинавов по территории Восточной Европы к первенствовавшему до того в торговле арабскому Востоку. Эти положения удостоверяются как современными письменными свидетельствами — главным образом, арабскими, — так и археологическими находками, дающими возможность довольно ясно определить главные торговые пути Восточной Европы по эпохам ²⁾. С этим нужно сопоставить и то обстоятельство, что древнейшие города восточно-славянских племен в значительной степени зародились вне варяго-греческого пути и создались независимо от него и связи с ним; таковы, например: Искоростень, Тмутаракань, Червень, Вельнь, Перемышль, Полоцк, Белоозеро, Изборск, Ростов, Муром, Чернигов и др. Лишь с изменением исторических обстоятельств — падением Багдада, Хозарии и Волги и восстановлением вновь утраченного было надолго прежнего престижа Византии и некоторым поднятием значения Скандинавии, — славяно-русская жизнь начинает в известной мере концентрироваться в бассейне Днепра, под давлением степных кочевников в лице юго-западных племен поднимаясь по Днепру несколько по севернее; впрочем, для некоторых восточно-славянских племен значение и Волги, и пути на Запад не утрачивалось и теперь. Конечно, самое открытие теперь новых торговых путей должно было начаться не с некультурного, варварского севера, а от старых представителей культуры и торговли на юге — от возродившейся Византии и со стороны арабских и еврейских купцов, все еще не утрачивавших своего прежнего значения и, в виду засорения и ослабления старых торговых путей, вынужденных искать новых. Воинственные

¹⁾ См. в упом. работах А. Шеленговского и Т. Арне, а также в книге «Начало христианства Руси», стр. 28 — 40, срви. у Спицына в его новой упом. ст.

²⁾ См. упом. работы А. А. Шеленговского, Т. Арне, также в книге «Начало христианства Руси», также в работах К. Ф. Тиандера и др.

Киевско-полянские князья, стоя во главе отважных дружин юго-восточной Руси, тесно связанной со степными кочевниками и впитавшей в себя восточные инородческие элементы, сумели использовать выгоды географического положения занятых ими земель и, постепенно совершая свои завоевания с юга на север, прошли по указанному торговцами пути, соединившему черноморско-днепровский водный бассейн с балтийским. Так постепенно в X—XI в.в. создался и развился известный путь «из Варяг в Греки», вполне использованный и развившийся в путь большого международного торгово-культурного и промышленного значения лишь около второй четверти и середины XI в. 1). Таким образом балтийско-днепровский водный путь, наблюдавшийся киевскими летописцами, как путь интенсивного движения «из Варяг в Греки» был таковым лишь в глазах наблюдателя XI в., а по началу и происхождению своему был прокладываем с юга на север, «из Греков в Варяги». Что дело обстояло именно так, об этом говорит повсюдное, обычное историческое явление, в силу коего инициатива в международных торговых сношениях принадлежит всегда более культурной и экономически более развитой нации. В соответствии с этим стоят такие факты в истории торговли в Восточной Европе: основным толчком к развитию торговли здесь около второй половины VIII-го в. послужило процветание арабской торговли; торговые сношения Византии с севером — как славянским, так и скандинавским — были оживленными в пору процветания именно Византии, т.-е. в эпоху V—VI в.в. и затем снова только в X—XI в.в., и прекращаются в момент упадка Византии — в VII—IX в.в.; участие скандинавов в торговле с Русью было очень ограничено; северный центр — Новгород — довольно долгое время был лишь торговым форпостом южного Киева и служил киевским князьям для торговых целей 2). Это же подтверждается и всем ходом истории Восточного Славянства по летописи в эпоху X—XI в.в., когда мы наблюдаем наступательное движение Руси с юга на север, а появление скандинавов делается заметным лишь с конца X в. и особенно в XI в., — очевидно как движение встречное — по пути уже проложенному раньше с юга на север, — движение в такой момент, когда на Днепре установились уже определенные культурно-государственные отношения и порядки.

1) Исторически нельзя согласиться со Спициным, будто этот путь вовсе не был «реальностью», а «лишь возможностью», см. в уп. «Сборнике посв. Платонову», стр. 11.

2) Срв. в «Истории русск. народного хозяйства» М. В. Довнар-Запольского, Киев, 1911 г., стр. 74, 75, 80, 102—104, также в ст. Тиандера — «Город Бирка», «ЖМНПР», 1910 г. и др.

XXXIII.

Первый киевско - полянский, «русьский» князь Игорь «Старый» достиг сравнительно значительных результатов в том направлении, в каком было затрачено довольно много усилий первыми массами юго-восточных толп, потревоженных у себя на старом пепелище и устремившихся к Днепру в поисках более свободного, более удобного и выгодного местожительства. Он утвердился на Днестре, стал вооруженным лагерем на одной из киевских гор правого его берега, но вскоре погиб при обеспечении прочного положения Полян в среднем Поднепровьи — в борьбе с Древлянами, которые, вынужденно отошедши отсюда частью, а частью подчиняясь пришельцам, упорно защищали каждую пядь своей земли к западу и к северу от Киева. После Игоря вдова его Ольга¹⁾ продолжает утверждение Полян на Днестре и по Десне²⁾, одолевая силу Древлян, факты какой-либо борьбы надолго сохранились в народной памяти в сохранных летописью легендах о ее мести Древлянам за смерть Игоря. Образ действия Ольги заслуживает внимания в том отношении, что он обнаруживает способность Ольги ориентироваться среди новой обстановки: попавши на Днестр и утвердившись здесь, она стремится упрочить связи Киева с Византией и вместе пытается завязать связи с далеким Западом. После колебания между Востоком и Западом Ольга, учитывая реальное положение вещей, остановилась на Византии, очевидно понимая ее торгово-культурное значение для Киева и Поднепровья. Поэтому-то, хотя, повидимому, и не без неудовольствия³⁾, она крестится в Византии и, во всяком случае, в связи

¹⁾ Самым именем своим как будто связанная с юго-восточным Олегом, вследствие чего ее родину Плесков следует искать на юго-востоке, отнюдь не смешивая со Псковом, в то время не связанным с Киевом.

²⁾ Срвн. у Шахматова «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 100, а также см. выше.

³⁾ Срв. в летописи ее заявление послам византийского императора: «аще ты тако же постоиши у мене в Почайне, яко же аз в Суду»...

с византийской церковью¹⁾. В этом ее акте заключалось некоторое преклонение Киева пред Византией и, во всяком случае, обнаруживалась тенденция держаться византийской ориентации в политике Киево-полянского княжества и совершалась как-бы измена принесенным с юго-востока преданиям. Но в полянском Киеве, конечно, весьма была сильна старая юго-восточная партия, долго еще верившая в силу Востока и крепко державшаяся за незыблемость старого уклада жизни; вследствие этого политика Ольги встречает себе противодействие.

¹⁾ Срвн. показание продолжателя хроники Регинона, см. «Начало христианства Руси», главы 15 и 16.

XXXIV.

На защиту старого духа и преданий юго-восточного каганата против Ольги выступил ее собственный сын Святослав, в лице которого летопись, согласно с показаниями современного византийского писателя Льва Дьякона, дает наиболее рельефную характеристику юго-восточного князя, все время своего княжения, — очевидно как раньше Олег и Игорь¹⁾, — проводящего в далеких походах, набéгах и поисках даней и наживы по торговым путям — где «вся благая сходятся». Святослав весь обвеян настроениями и интересами земли своих отцов, почему и стремится прежде всего на Дон и Волгу — к Вятичам и Хозарам²⁾. Собственно восточные походы Святослава имели два направления: на юго-восток — к Хозарам и «Ясам и Касогам» и, кроме того, отдельно на северо-восток — к Оке и Волге. Движение на юго-восток должно было разочаровать Святослава, ибо здесь ему пришлось констатировать факт упадка прежних торговых путей, шедших из Багдада через Кавказ к Дону и Волге, и потому незначительность добычи. Но это движение Святослава не могло не стоять в связи с передвижениями новых волн юго-восточной Руси к Днепру; во всяком случае, оно не могло пройти бесследно для связей оставшихся на месте юго-восточных масс и киевских Полян. Этот момент естественно стоял в связи с движением северян на Десну, ибо в эпоху Мстислава, около 1022 года, они там сидят уже довольно прочно, а в 940-х годах здесь еще видим следы борьбы Ольги с Древлянами³⁾. Как отмечалось уже,

1) Сохранилась характеристика Святослава, очевидно как более позднего исторического деятеля, что же касается Олега и Игоря, то они, как определенные исторические лица, потонули в море неясных легенд и стали жертвою летописного комбинирования этих легенд.

2) Срвн. у Шахматова «Южные поселения Вятичей» — «Известия И. Академии Наук», 1907 г., также «Введение в курс истории русск. яз.», стр. 51 — 52, 75 и др.

3) Срв. стр. 100 упом. «Введения»; около 1022 г., непосредственно пришедшему с юго-востока Мстиславу Северяне оказываются уже чужими; возможно начало движения сюда северян отнести к эпохе Игоря и Ольги.

данное движение Северян на территорию более северную—по сравнению с Полянами—на Десну скорее последовало не прямо с самого юго-востока, а из Ростово-муромской земли, куда они были временно частью затянуты волжским торговым движением, а затем через Оку оттерты были потоком кривичской колонизации на Десну. В таком случае для передвижения Северян имел большее значение другой поход Святослава—на Оку и Волгу, который привел Святослава, в конце концов, к установлению связей Поднепровья, хотя и очень кружным путем, с северным Новгородом¹⁾. С этим походом Святослава на Оку и Волгу следует хронологически и генетически поставить в связь летописное известие 970 года о приглашении новгородцами к себе в князя одного из сыновей Святослава. Несомненно, помещение Святославом Владимира на столе в Новгороде поставлено в летописи в связь с повествованием 970 г. только по сходству явлений,—в виду отсылки около этого времени Святославом других сыновей на княжение; хронологически же его естественнее отнести к моменту рассказа 964 г. о походах Святослава, и в таком случае читать так: «И иде на Оку реку и на Волгу...²⁾ В се же время придоша людие Новгородстии, просяще князя себе...» и т. д. Вместе с тем можно усумниться в том, чтобы посадение сына киевского князя в Новгороде произошло так идиллически просто—без всяких военных столкновений на месте и предварительных сношений юга с севером. Принимая во внимание полную недостоверность пресловутого 862 г. в истории Новгорода, тенденциозное использование рассказанного под этим годом эпизода и затем наличие исторических свидетельств о Новгороде только с эпохи Святослава, мы готовы признать, что события, лежавшие в основе данного эпизода и более подробно изложенные в Никоновской летописи³⁾ в виде рассказа о борьбе против Рюрика новгородцев во главе с Вадимом Храбрым, и бегстве в связи с этим многих новгородских мужей в Киев,—что эти события скорее всего были современны эпохе Святослава и что они послужили поводом к его вмешательству в новгородские дела, к его северному походу и посадению

1) С данным походом Святослава в северный Новгород, по соображениям хронологическим, нельзя сближать свидетельство IX главы сочинения Константина Богрянородного о том, что в Новгороде некоторое время сидел родственник Игоря Святослав,—в данном случае, очевидно, имеется в виду Новгород южный,—срвн. упом. перевод Г. Ласкина.

2) Между словами «Иде на Оку реку и на Волгу» и вслед за тем поставленными в тексте—«и налесе Вятичи» необходимо мыслится пропуск, ибо Вятичей Святослав, во всяком случае, «налесе» не на Волге.

3) В данном случае Никоновская летопись могла использовать какие-нибудь старшие, до нас недошедшие источники, срвн. «Древнейшие судьбы русского племени» Шахматова, стр. 59.

сына в Новгороде. В таком случае летописец, запутавшись в старинных легендах и преданиях и под влиянием собственных размышлений в связи с византийскими повествованиями о походах Руси, отнес эти события на 100 лет назад — поближе к византийскому сообщению о походе Руси на Царьград в 860 г. — Во всяком случае, Святослав завязал новые связи полянской Руси с северным Новгородом. ¹ Вообще русская всюду «аки пардус», ища новых выгодных путей и даней, Святослав сыграл свою роль в тогдашних племенных передвижениях и сношениях восточно-славянских племен. Но, конечно, не в деле территориального расширения русско-киевского государства, идея какового Святославу явно была чужда. Но после всех этих поисков ему, в конце концов, пришлось стать на путь, избранный Ольгой, т. - е. обратиться к тем путям и связям, которые полянскому Киеву завещали уличский Пересечен и древлянский Искоростень, именно — обратить свое внимание на Дунайскую Болгарию и Византию. Однако, к этому пути Святослав подошел с обычной точки зрения юго-восточной Руси, не ставя Полянам новых задач, а лишь имея в виду добычи и дани на новых торговых путях, и потому естественно он потерпел тут неудачу.

Во время своего похода на северо-восток — на Оку и Волгу около середины 960-х годов, посадивши своего сына Владимира князем в Новгороде, предназначавшемся стать «торговым форпостом» Киева¹⁾, Святослав, уходя в Дунайскую Болгарию около 970 года²⁾, остальных двух сыновей посадил: Ярополка — в Киеве и Олега — «в Деревех». Это распределение Святославом своих сыновей по отдельным пунктам примечательно. Вспоминая данные о трех племенных ветвях Восточного Славянства, мы увидим, что Ярополк в Киеве становится как бы во главе юго-восточной ветви, авангард коей в лице Полян сравнительно недавно обосновался в Киеве, Олег представляется продолжателем дела одоления и использования племен юго-западных в лице ближайших к Киеву Древлян и, наконец, Владимир был еще ранее отправлен к северным племенам, путь к которым через Волгу проложил теперь Святослав³⁾. Очевидно, что к этому Святослав вынуждался отчасти самим положением вещей в области племенных соотношений, а с другой стороны — назревающим вопросом варяго-греческого пути. Однако, силою вещей Святославичи не могли преодолеть племенной разрозненности и служить интересам Киева, но сами отчасти подпали под влияние этой разрозненности. Наиболее горючий материал представляли в этом смысле попрежнему взаимоотношения Полян и Древлян. Очевидно, что летописный рассказ 975 года об убийстве Люта Свенельдича представляет неясно-оборванную причину события 977 г. — войны Ярополка с Олегом. Тут в исправление летописного текста нужно принять одно из двух: или Олег, упрочивая положение в своей земле

1) Срвн. «Историю русского народного хозяйства» Довнар-Запольского, стр. 80.

2) О хронологии последних событий жизни Святослава, в виду различия данных русских и византийских, см. 28 том «Записок И. Академии Наук», 1876 г., статьи В. Г. Васильевского и Н. П. Ламбина, также в «Разысканиях» Шахматова, стр. 118 — 133, где вообще анализ летописных известий о Святославе.

3) Вероятно к этому моменту следует отнести неясное показание летописи 947 г. о движении Ольги к Новгороду.

древлянской, убил представителя туземной династии — Люта¹⁾ Свенельдича, и это обстоятельство не сыграло никакой роли в истории последовавшей затем борьбы Ярополка и Олега, или же сына Свенельда убил «ишед из Киева» живший в этом городе князь, Ярополк, и это вмешательство в дела земли древлянской киевского князя вызвало ссору и войну его с Олегом, как князем древлянским²⁾. Последнее объяснение летописного вполне неясного текста нам представляется стоящим ближе к ходу и смыслу летописного повествования за эти годы и более сообразным с положением вещей тогда на Руси: размещенные у разных племенных групп князья киевско-полянської династии силою вещей вовлечены были в местные племенные интересы и вынуждены были действовать с местными князьями и волей-неволей втянулись в старую племенную борьбу.

¹⁾ По догадке Шахматова, Лют—одно лицо с Мистишей, которого он принимает за Мала древлянского, см. в «Разысканиях», стр. 354 — 356, 371 — 373 и др.

²⁾ Объяснению данного факта «политическим значением охоты в жизни русских славян в X в.» (Очерк истории русской культуры М. Н. Покровского, ч. I, Москва, 1915 г., стр. 45 — 46) противоречит как исконное местное занятие земледелием (срвн. там же стр. 44 — 45), так и смысл древлянско-полянської борьбы, являющейся борьбой земледельческой лесостепи с торгово-скотоводческой степью.

XXXVI.

Победивший и погубивший Олега Ярополк продолжал политику своих предшественников по использованию выгодного географического положения Киева. Подобно Ольге, он завязывает сношения с Западом¹⁾; о сношениях Ярополка с Византией определенных известий не сохранилось²⁾, но завязавшиеся ранее торговые связи, конечно, сохранялись, и они-то, вероятно, если придерживаться летописного текста, и побудили Ярополка интересоваться сношениями Киева с Севером и в частности обратили его внимание на Полоцк и Новгород. Трудно сказать, насколько прав в данном случае летописец, и действительно ли борьба Ярополка с Владимиром имела своим инициатором Ярополка. Но, с другой стороны, представляется более вероятным, что Владимир потому пошел в поход на Киев, что не мог удержаться в Новгороде, где Normаны издавна привыкли быть господами положения и потому отправили пришедшего с юга князя назад, причем постарались использовать этот факт и для своих целей проникновения на юг; в этом смысл заявления Normанов Владимиру о взятии Киева: «се град наш». Далее тут заслуживает особого нашего внимания тот путь, каким впервые исторически достоверно проникают к Днепру и Киеву Normаны. По летописному рассказу, двинувшись в поход на Киев, Владимир и Normаны вступают в переговоры с полоцким князем Рогволодом и в виду неудовлетворительности этих переговоров вынуждаются воевать с ним, ибо очевидно из Новгорода в Киев не могли попасть иначе, как только прорвавшись по Западной Двине мимо Полоцка. В данном случае мы имеем важное летописное свидетельство, что в данный момент путь из Новгорода в Киев лежал через Западную Двину, и что этим путем впервые исторически достоверно попали в Киев скандинавские Normаны. Таким образом, помимо

¹⁾ См. «Lamberti Hersfeldensis Annales», изд. Г. Пертц, Ганновер, 1843 г., стр. 19—о приходе русских послов в Кведлинбург в 973 г., в связь с чем следует поставить известие «Никоновской летописи» о приходе к Ярополку послов от Римского папы в 979 г.

²⁾ Кроме случайного известия о браке его с пленной греческой монахиней.

того кружного пути к истокам Балтийского водного бассейна, который привел сюда Святослава от среднего Днепра через Оку и Волгу, получившегося чрез использование старого арабско-волжского пути, — во второй половине X в. более или менее употребительным путем, ведущим из Грек в Варяги, был путь, который приблизительно может быть описан так: от среднего течения Днепра через Припять и Березину в Западную Двину и по ней либо прямо в Рижский залив, либо чрез реку Великую и Шелонь или Ловать в Ильмень и Волхов и далее—Ладожское озеро, Нева, Финский залив¹⁾.

¹⁾ Срвн. в «Историч. Географии» Середонина указания на то, что сначала Варяги выходили на Днепр водным путем ниже Смоленска, минуя его верховья, — стр. 229, 240, срвн. «История Смоленской земли» П. В. Голубовского, Киев, 1895 г., стр. 47 — 48.

XXXVII.

При помощи Норманов победив Ярополка и захватив Киев, Владимир в течение месяца успел так утвердиться в Киеве, что выжил из него Норманов, стремившихся в нем упрочиться и господствовать. Будучи в Новгороде сильно охвачен местной, вполне языческой атмосферой¹⁾, и вообще местными влияниями, Владимир в Киеве сперва пытался упрочиться при помощи языческой религии, судя по летописному названию ее божеств стоявшей под восточными влияниями²⁾, но затем довольно скоро сумел разобраться в местных обстоятельствах и приспособиться к местной обстановке. Подобно своему отцу Владимир предпринимал большие походы: по путям, ведущим на Запад, и по землям юго-западных племен он доходил до Червеня и Перемышля в Галичине³⁾; на Востоке он ходил на Оку и Волгу—к Вятичам и Камским Болгарам. Но особенное значение для Киева имел поход его в 984 году на Радимичей, сидевших по Сожу и верхнему Днепру; с подчинением Радимичей влиянию Киева расчищался прямой путь для торговых сношений днепровского и балтийского бассейнов через верховье Днепра, доселе закрытое⁴⁾. Таким образом Владимир первый расчистил прямой путь «из Варяг в Греки» и только после этого начинается устремление Норманов по данному пути на юг. Все эти походы Владимира имели свое значение в деле установления сношения и сближения отдельных

¹⁾ Срвн. статью Ст. Сркули — «Trei Fragen aus dem Taufe des heiligen Vladimir» — «Archiv für Slavische Filologie», 1907 г., № 29, стр. 264 — 267; в связи с этим и с первым приводом Владимиром в Киев Норманов потом возникло представление, будто он был «от племени Варяжска», — срвн. «Разыскания» Шахматова, примечание на стр. 309 — 310.

²⁾ Срвн. у Е. В. Аничкова «Язычество и древняя Русь», Спб., 1914 г., в главах 13 — 15.

³⁾ Срвн. у А. В. Лонгинова «Червенские города», Варшава, 1885 г., стр. 59 — 66, у Середонина «Историч. География», стр. 151, также у М. Грушевского и др.

⁴⁾ Повидимому здесь, кроме Радимичей, кои сами были не чужды юго-восточных примесей, жило и иное, не славянское население, затруднявшее проникновение сюда как с севера, так и с юга, — срвн. «Историч. География» Середонина, стр. 230 — 231.

восточно-славянских племен; в том же отношении сыграло свою роль и главное дело Владимира — крещение его личное и крещение киевских Полян¹⁾. Между прочим, путем христианизации пришедшей к Днепру юго-восточной Руси устраивался мост в деле сближения ее с юго-западными племенами, которые прежде всего, в силу самого своего географического положения, раньше других восприняли от Дунайской Болгарии христианство и славянскую письменность²⁾.

1) См. «Начало христианства Руси», стр. 171 — 187.

2) Повидимому, здесь должно быть разрешение недоумения, вызванного следами культурно-религиозного влияния Болгар на Русь, при сопоставлении их с летописными известиями о крещении Руси из Византии, и приведшего М. Д. При с е л к о в а к противной всем историческим свидетельствам «охридской теории» крещения Руси, — см. его «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» Спб., 1913 г.; попадавшее тоже довольно рано к хозарской или к юго-восточной Руси христианство легко могло смешиваться там с элементами других религий и прежде всего иудейства, — см. нашу ст. «Три момента в начальной истории русского христианства»... — «Изв. отд. русск. яз. и слов. И. Академии Наук», 1913 г., том XVIII, кн. 4.

XXXVIII.

По отмеченным обстоятельствам, эпоха Владимира Святого была исключительной по своей важности в истории Восточного Славянства, но это значение ее было, конечно, не чудесного характера, а стояло в связи с предыдущими и последующими историческими фактами. Святослав, как мы видели, все время своего княжения метался во все стороны; сторонник старого жизненного уклада юго-восточной Руси, он в конце концов должен был увидеть и понять, что этот уклад рушится: мусульманский Восток и восточная торговля падали, увлекая за собою к падению и прежние торговые пути, и Хозарию, и восточную Русь, усиленно отливавшую теперь к Днепру; восстала из своего временного падения Византия; через Волгу и Западную Двину, а также через Днепр стали устремляться на север южные и юго-восточные купцы, увлекая к обратному движению беспокойных пиратов-торговцев Норманов. При таком положении вещей для Киева оказалось необходимым установление более или менее прочных и определенных отношений с Византией и использование ее торговли и ведущих к ней путей в интересах Киевского княжества. Усиление недалекого географически Полоцкого княжества на Западной Двине и беспокоивший приток юго-восточной Руси к Днепру заставлял Святослава разочароваться в Киеве и торговом значении среднего Поднепровья, — в этом смысл его походов в Дунайскую Болгарию. Неудача там Святослава побуждала его преемников в самом Поднепровьи устроиться более прочно и выгодно: если Ярополк в данном случае тщетно пытался опереться на Запад, то преемник его Владимир самую силою вещей увидел себя вынужденным поладить с Византией. Как бывший новгородский князь, знакомый с балтийским Приморьем, он легко мог понять указания иностранных торговцев на значение Киева на пути к Балтийскому морю и решил его использовать. Если Святославу не удался поход на Византию, то преемникам его нужно было, очевидно, смириться пред нею, покорно приняв на себя роль посредника ее в торговле с севером, причем, разумеется, преимущества должны были оставаться на стороне старой Византии. Долгое время не шел на это и Владимир, подобно Святославу,

язычествуя и предпринимая набеги и на Запад, и на Восток, но, в конце концов, пришлось креститься и «вступить в ряды византийского вассалитета»¹⁾. Принятие христианства, усиление в Киеве византийского элемента, принесшего с собою свою старую культуру, постепенное развитие торговли,—все это подействовало тому, что Владимир сделался заметным историческим деятелем, выступившим впервые до известной степени «земским» князем, думающим «о строи землянем» и вообще оставившим след в деле примирения возобладавшей на Днепре юго-восточной Руси с соседними юго-западными племенами. Но, конечно, отсюда еще далеко до того, чтобы говорить о создании Владимиром единого русского государства или великой Киевской державы и объединения им всех восточно-славянских племен²⁾, — государственность Руси тогда была еще довольно примитивна, ряд земель Восточного Славянства стоял еще вне всякой связи с Киевом, а сам Владимир, судя по показаниям Титмара Мерзебургского³⁾ и письма Брунона⁴⁾, был еще, по своему настроению, в значительной степени юго-восточным «каганом», ведшим «рать велику бес перестани» со своими степными соперниками — Печенегами, и не особенно был проникнут византинизмом. Сам Киев в это время был еще небольшой горной крепостью, размеры коей сводились к району нынешнего погоста Десятинной церкви и ее ближайших окрестностей, так что места нахождения Михайловского монастыря и Софийского собора были еще «полем вне града»⁵⁾. Чрезвычайно характерными для общей обрисовки положения вещей на Руси — как при Владимире, так и при сыне его Ярославе, в конце X-го и первой половине XI-го века, — являются киевско-новгородские отношения той поры, выяснение коих требует особого внимания.

1) Срвн. у М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», Москва, 1915 г., стр. 248.

2) Срвн., например, у Шахматова «Введение в курс истории русск. яз.», 76 стр. и др.

3) См. его «Хронику» — изд. Ф. Курце, Ганновер, 1889 г., гл. VIII (VII), § 72 (52), стр. 236.

4) По свидетельству этого письма, Печенеги просили Владимира не беспокоить их, за что они обещали креститься, — «Monumenta historiae Poloniae», т. I, стр. 224.

5) Срвн., например, в «Путеводителе» К. В. Шероцкого, Киев, 1917 г., стр. 78 — 79, также у Н. И. Петрова, Н. Закревского и др.

XXXIX.

Отношения Владимира к Новгороду неясны: по летописи он сажает в Новгороде последовательно трех князей или представителей власти — Добрыню, потом Вышеслава, наконец Ярослава, из которых все признаются летописью его близкими родственниками; между тем, в этот момент отношений между Киевом и Новгородом не носят вполне мирного характера; христианство в Новгороде вводится только после большой «сечи» — «мечом и огнем»; в 997 г. Владимир сам идет в поход на Новгород, но, к сожалению, мы не имеем подробностей этого похода; в 1014 г. Владимир совершенно определенно собирается идти воевать с Новгородом вследствие конфликта с ним, а в 1015 г. новгородцы поднимают восстание против сына Владимирова — Ярослава, который подавляет его с большой жестокостью; вскоре потом Ярослав уходит на юг, в 1018 г. снова на короткий момент появляясь в Новгороде, после чего опять удаляется на юг и в 1021 г. борется из-за Новгорода с Полоцким князем. В этот момент борьбы Ярослава с новгородцами и из-за Новгорода мы встречаем два известия, которые должны пролить свет на взаимные отношения Киева и Новгорода как в этот момент, так и несколько ранее — при Владимире. Это, во-первых, известие о новгородском князе Илье, который назван «сыном» Ярослава, но который в действительности был скорее его соперником, норманско-ладожским князем Олегом¹⁾; а с другой стороны — известие о том, что в это время, неизвестно почему, Ярослав разгневался на новгородского посадника, Коснятина Добрыныча, затем сослал его в Ростов и казнил на реке Оке. Последнее известие естественнее всего толковать в том смысле, что как Коснятин, так и отец его Добрыня также были враждебными Ярославу и вообще Киевской династии лицами, боровшимися с нею из-за Новгорода и опиравшимися на ту Ростово-муромскую территорию, которая летописью указывается, как место ссылки и казни Коснятина и к которой также приурочивается и пре-

¹⁾ См. выше, срвн. статьи Халанского об Олеге - Ильи, — «ЖМНП», 1902 г., август, 1911 г., сентябрь.

дание о происхождении Добрыни¹⁾. В таком случае общую картину взаимных отношений Киева и Новгорода можно представить так, за эпоху конца X-го—начала XI-го в.в.: с момента посажения Святославом Владимира в Новгороде начинается участие Киева в той борьбе из-за Новгорода, которая была ведена его соседями в виду его значения в связи с начинавшимся развиваться варяго-греческим торговым путем; соперниками Киева являются Норманы, засевшие в Ладоге²⁾, Полоцкие князья и Ростово-муромская земля в лице Добрыни и Коснятина. Все эти сложные перипетии борьбы из-за Новгорода подверглись переработке со стороны летописного сводчика в угоду идее единой русской династии и повлияли на его концепцию начала русского государства, в которой оказались перемешанными разные имена, отдаленные земли и эпохи.

¹⁾ См. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 173, 377, 455 — 456, 675 — 676.

²⁾ Срвн. сообщения «Начального свода» о могиле Олега в Ладоге, — срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 313, 334, 518.

XI.

Отмеченные Киево-Новгородские отношения приводят нас к постановке вопроса о Ростово-Муромской и Суздальской земле, относительно которой летопись очень скупа в своих известиях за X—XI столетия. В виду отсутствия прямых свидетельств о жизни этой земли за указанную эпоху, нам приходится лишь догадываться. Летописный рассказ о том, что здесь княжили Борис и Глеб, вызывает полное сомнение, ибо принадлежащее Нестору житие этих князей называет Бориса князем Владимира-Волынского, а относительно Глеба говорит, что он нигде не княжил, а был при отце ¹⁾. Отсутствие в этих землях известных нам князей Киевской династии до самых последних лет XI в. заставляет предположить, на ряду с известиями о давних тут восточно-славянских городах, что здесь должны были быть свои княжеские династии ²⁾, которые силою вещей вынуждались вступать в ближайшие связи с камскими Болгарами. Предание белозерское сохранило, как мы видели, известие о князе Синеусе ³⁾. К числу таких же князей прилегающих к Волге территорий следует, повидимому, отнести и Добрыню. Догадка А. А. Шахматова о связи Добрыни с древлянской династией противоречит тем данным, которые побудили его же самого признать «Добрыню исключительно северным героем» ⁴⁾. С другой стороны, былины приписывают Добрыне Рязанское и вообще приокское происхождение ⁵⁾, а летописные известия связывают имя Добрыни с походом на Болгар Серебряных, т. - е. волжско-камских ⁶⁾. В связь с этим нужно поставить летописное известие, по которому

¹⁾ Срвн. «Разыскания» Шахматова, стр. 87 — 92 и др.

²⁾ К туземной дкнастии, видимо, скорее всего принадлежал и креститель Мурома князь Константин, который не укладывается в рамки Киевской династии.

³⁾ Срвн. там же, стр. 312 — 314.

⁴⁾ Там же, стр. 173.

⁵⁾ Там же, стр. 377.

⁶⁾ Срвн. летописное известие 985 г. и показание «Памяти и похвалы Владимиру» — срвн. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 21, 175 — 176.

Ярослав сына Добрыни Коснятина ссылает в Ростов и потом убивает в Муроме «на Оце реце» ¹⁾, что, конечно, естественнее всего понимать в смысле борьбы на этой территории Ярослава с Коснятином, следы каковой можно также усматривать в несколько смутно представленном летописью походе Ярослава в 1024 г. на Суздаль ²⁾. Эта борьба не только стояла в связи с соперничеством Киева с Приволжьем относительно Новгорода, как ключа к Финскому заливу, но могла также обуславливаться и теми племенными столкновениями, которые здесь возникли в результате натиска северо-западной кривичской колонизации на более раннюю колонизацию юго-восточных Северян.

¹⁾ Срв. «Разыскания» Шахматова, стр. 509 — 510, 620.

²⁾ Срв. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 179, 455 — 456, 675 — 676.

XLI.

В связи с вопросом об общем положении вещей на Руси в эпоху Владимира и Ярослава стоит и вопрос о сыновьях Владимира. А. А. Шахматов обратил внимание на искусственность и придуманность составления и комбинирования разных данных со стороны летописного сводчика относительно сыновей Владимира ¹⁾. Действительно, самое число их — 12 — уж очень, так сказать, круглое, эпическое; при чем в сообщениях о них имеется ряд неясностей и противоречий и отсутствуют о большинстве из них конкретные данные, в связи с чем получает свое значение сообщение Титмара Мерзебургского о том, что у Владимира было только три сына ²⁾. Из отдельных сыновей Владимира прежде всего заслуживает внимания Мстислав Тмутараканский, о котором уже была речь выше. Все сохранные летописью конкретные данные о нем говорят против принадлежности его к Киевской династии: Киевом он не интересуется настолько, что, победив Ярослава, в Киеве не садится; появляется на Днепре он не в момент продолжительной борьбы братьев из-за Киева, а спустя несколько лет после нее; к Днепру он идет в качестве вождя разноплеменной народной массы, ищущей себе место для колонизации, вследствие чего он делается героем народных песен и сказаний ³⁾; наконец, по самому своему внешнему облику, нарисованному летописью, он представлялся для Поднепровцев человеком необычным — «дебел телом, красен лицом, с великими очима». Все это дает понять, что Мстислав был князь Тмутараканской династии, чуждый Владимиру, и только усыновлен ему впоследствии летописцем. Что касается далее Изяслава Полоцкого, то помимо того, что усыновление его Владимиру связано с явно-легендарным мотивом — сватовством Владимира на Рогнеде, изложенном летописью сбивчиво и в разных местах противоречиво, при чем Рогнеде в «удел»

¹⁾ Там же, стр. 87 — 92.

²⁾ Очевидно, имеются в виду Святополк, Борис и Ярослав: См. упом. «Хронику» по изданию Курце, стр. 236, срвн. в Эймундовой саге — «Библиотека для чтения», 1834 г., т. т. 1 и 2.

³⁾ Эпизод с Редедей, описание Листвинской битвы, воспоминание в «Слове о полку Игореве».

дается то место на Лыбеди, то Изяславль, то Полоцк¹⁾), — помимо этого в данном случае заслуживает внимания и самая хронология жизни Изяслава: он умирает в 1001 году, — если бы он был сыном Владимира и Рогнеды, ему в этот момент было бы не больше 20 лет²⁾), а, между тем, после него остается два сына, по всей видимости, сразу же начинающих княжить в Полоцке, ибо летопись ничего не говорит о временном замещении в это время Полоцкого княжеского стола кем-либо из сыновей Владимира и Рогнеды³⁾). Далее нужно принять во внимание полную историческую разобщенность все время Полоцкой и Киевской династий, чему соответствует летописный текст 1128 года, противопоставляющий, как нечто друг другу искони чуждое и враждебное, — «Ярославлих внуков» Киевской династии и «Рогволожих внуков» династии Полоцкой⁴⁾). Все это говорит против возможности признания Изяслава Полоцкого сыном Владимира. Вызывает сомнение в принадлежности к семье Владимира и Святослав Деревский, ибо, погибнув в борьбе со Святополком, он почему-то был обойден тем вниманием потомства, какое было уделено Борису и Глебу: родные братья, пострадавшие при равных условиях, были бы одинаково предметом внимания со стороны брата Ярослава и почитания потомков и назидательных повествований; поэтому, скорее всего, это — член старой Древлянской династии. Возникают также сомнения и относительно других сыновей Владимира. Эта недостоверность известий о сыновьях Владимира, наличие данных о князьях других династий, современных Владимиру и Ярославу, напряженная борьба Ярослава за Новгород и Киев, утвердиться в котором ему удалось окончательно лишь около 1036 — 1037 г.г., после чего только он получил возможность «заложить град великий Киев», т.е. приступить к обстройке и укреплению его⁵⁾), — все эти данные говорят против возможности принятия положения об объединении Владимиром и Ярославом восточнославянских племен в одну великую державу. В соответствии с этим и Ярослав, умирая, сажает своих сыновей далеко не у

1) Срвн. известия летописи лет 980, 988 и 1128.

2) Брак Владимира и Рогнеды летопись относит к 980 г.

3) По летописи сыновьями Владимира и Рогнеды были, кроме Изяслава, Ярослав, Мстислав и Всеволод; срвн. летописное известие о том, что по смерти Вышеслава в Новгороде был посажен брат Ярослав.

4) Тут характерно самое название членов Полоцкой династии «Рогволожими внуками», а не внуками Изяслава, якобы брата Ярослава.

5) Срвн. показания в византийской хронике Кедрина — *Συναγωγὴ ἱστοριῶν*, Венеция, 1729 г., ч. 2, стр. 578, — под 1036 г. сообщаящей о смене в Киевской Руси власти двух князей новым — третьим, что соответствует летописному сообщению под тем же годом о смерти Мстислава и посажении Ярославом Судислава «в поруб», — что явилось результатом, вероятно, его борьбы вместе с Печенегам против Ярослава.

всех восточно-славянских племен, а в городах ближайших к Киеву: Изяслава — в Киеве, Святослава — в Чернигове, Всеволода — в Переяславе, Игоря — во Владимире - Волынском и Вячеслава — в Смоленске. Названные города — это район бассейна среднего и верхнего Днепра, к которому можно еще присоединить Новгород, где до смерти своей в 1052 году сидел старший сын Ярослава Владимир. Таким образом, видим, что связанный с Норманами узами родства (по жене и дочери) и братством по оружию и прошедший всю жизнь в борьбе за путь «из Варяг в Греки» Ярослав и сыновьям своим завещал охрану этого пути и наблюдение за ним — и только.

XLII.

Дальнейшее расширение сферы влияния Ярославовой династии относится к следующей эпохе — к концу XI в., когда самое размножение ее позволило ей фактически осуществлять прерогативы княжеской власти на более обширной территории. Только около рубежа XI—XII в.в. среди восточно-славянских племен, — да и то кроме двинских Кривичей и Болоховской земли, — осуществилось коллективное единодержавие Киевской династии, которое, в связи с занесенными из Византии идеями, тогда же создало идею единства русской земли, отразившуюся прежде всего в Начальной летописи ¹⁾. Однако, это коллективное единодержавие династии не дало реальных результатов в смысле создания единого государства: «внуки Ярослави» не создали из себя единой дружной семьи, не объединились единой родовой системой ²⁾ и не усвоили однообразных принципов государственности. Характерными представителями своей эпохи и вместе выразителями тех разных начал государственности, какие входили, как составные элементы, в жизнь Киевского государства в широком смысле этого слова, являются четыре более видных внука Ярослава: Ярополк Изяславич (ум. 1086 г.), Святополк Изяславич (ум. 1113 г.), Владимир Всеволодович Мономах (ум. 1125 г.) и Олег Святославич (ум. 1115 г.). Ярополк — сын польской принцессы, не раз ездивший на Запад, побывавший в Риме и оставивший на Западе письменный памятник своих отношений и связей ³⁾, был западником в том смысле этого слова, какое приложимо к данной эпохе — расцвета папства и борьбы его с Империей и развития феодализма. Он рано выбыл из строя своих

¹⁾ См. в «Разысканиях» Шахматова, стр. 134, 276, 293, 316 и др., также у Прислелкова «Очерки по церковно-политической истории Руси», стр. 265 — 266, 278 и др.

²⁾ Срвн. данные, например, у А. Е. Преснякова — «Княжое право в древней Руси», Спб., 1909 г., у Я. А. Голяшкина — «Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в.», Москва, 1898 г. и др.

³⁾ См. у Н. П. Кондакова «Изображение русской княжеской семьи на миниатюрах XI в.», Спб. 1906 г.

братьев, и насильственная смерть его в некотором роде была символическа: с этого момента влияние Запада на Русь, не задолго перед тем развившееся, ослабевает. Его брат Святополк — плохой воин, умело приспособляющийся к обстоятельствам человек, совершенно незаслуженно возведенный М. Д. Приселковым в ранг «гениальных»¹⁾, был типичным князем верхних, торгово-инородческих кругов Киева, сумевшим стяжать в союзе с ними крупнейшие богатства, — едва ли это был не последний «каган» в Киеве. Олег, побывавший и в Царьграде, и в Тмутаракани, и на Волге, был одним из наиболее ярких образов князя-степняка, удальца-авантюриста, приятеля и союзника Половцев, всю жизнь сновавшего со своими дружинами по лицу восточной Европы. Наконец, Владимир Мономах — коварный византиец, искусный дипломат, умевший, когда было нужно, прикинуться другом и покровителем туземных, поднепровских «смердов», очень ладивший с духовенством, наиболее яркий из князей носитель и отчасти вдохновитель тех идей, какие рассыпаны в «Повести временных лет», состоявший в некоторой связи с редакторской работой этого произведения²⁾, скорее всех князей — представитель «единой Руси», понимавший ее сообразно с велениями момента в смысле объединения возможно большего количества земли в своем личном потомстве. В 1113 г. он спас киевские верхи от революционного движения низов, не потому, конечно, что был особенно популярен или был народным избранником³⁾, но, главным образом, вследствие репутации хорошего воина, доброго христианина, искусного дипломата и особенно как синьор, в руках коего был ряд вассалов — сыновей, сидевших с дружинами в разных городах, в том числе и в важном для торгового Киева Новгороде. Мономах в момент своего киевского княжения доставил Киеву наибольшее за всю его историю значение в смысле государственного влияния на значительную территорию восточной Европы, но этот апогей государственного значения Киева продолжался всего около 20 лет (1113—1132 г.г.). По смерти старшего сына Мономаха — Мстислава, Мономахово здание рухнуло и по отсутствию прочной связи Киева с населением прилегающей территории, и по непрочности торгового значения варяго-гре-

1) См. его «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси», стр. 286 и след.; результаты политики Святополка противоречат восхвалению его автором.

2) См. у Шахматова «Повесть временных лет», Спб., 1916 г., стр. XVII, срвн. в упом. кн. Приселкова.

3) См. у М. Н. Покровского «Очерк истории русской культуры», ч. I, стр. 250 и др.; мнение Покровского о том, что результатом движения 1113 г. было «свержение варяжского абсолютизма» и народное избрание Владимира, не обосновано на источниках и несогласовано как с характером этого движения, так и с дальнейшими фактами киевской истории.

ческого пути, и по неимению семейной спайки и единства принципов в деятельности семьи Мономашичей, как это раньше было и у Ярославлих сыновей и внуков. Уже через 20 лет после Мономаха начинается упорнейшая борьба между младшим его сыном и старшим внуком, и, между прочим, в среде старшей линии Мономашичей все больше развиваются черты и стремления, характерным представителем коих выше отмечен Олег Святославович, — связи со степью и степняками. В течение XII и частью XIII столетия мы попрежнему встречаем черты отмеченных выше 4-х княжеских типов — с преобладанием, однако, степно-кочевого, пока, наконец, не упрочивается, в связи с развивающимся процессом феодализации, новый тип князя — земельного вотчинника, первый пример коего можно усматривать уже в сыне Мономаха — Андрее Переяславском (ум. 1141 г.), упорно не хотевшем переходить со своей «отчины и дедины». Слабость на Руси государственной организации, не сумевшей объединить разные элементы населения и создать тип князя-государственника, на почве ослабления торговых интересов и падения значения торговых путей, привела страну к феодализации.

XLIII.

Как отмечалось, вновь пришедшая на Днепр юго-восточная Русь первоначально значительно разнилась от местных славянских племен как в языке, так и в быте, и укладе своей жизни. Виной тому были те инородческие восточные примеси, каких в Приазовьи и в Подоньи Русь воспринимала в себя в достаточной степени, живя на местах и постоянного обитания, и частых передвижений кочевых племен с востока на запад, и постоянно вступая с ними в соседские связи. На смену тому родоплеменному земледельческому укладу жизни, с местными племенными князьями, «лучшими» или «нарочитыми» людьми (повидимому, «огнищанами» древних источников), вечем, — какой характеризуется, например, летописью у древлян в повествовании о сношениях и столкновениях их с Игорем и Ольгой, — на смену ему юго-восточная Русь принесла с собой иной уклад жизни, ибо состояла из разноплеменной военно-торговой организации («дружина» и «гости» источников — прежде всего), подобной Мстиславовой рати, пришедшей к Днепру в 20-х годах XI века с Касогами и Хозарами. Поэтому новое Киевское государство Игоревичей стало складываться на Днепре не по типу старых здешних племенных княжений, — это государство было разноплеменным, спаянным общностью интересов — торгово-экономических, военных и других, и поэтому Киевское государство принесло с собой нечто новое в смысле государственности на Днепре. Это новое государство не уничтожило вовсе старых племенных организаций — княжений, — но внесло в них новую струю и во взаимодействии с ними произвело новое образование: старые большие союзы племен разбиваются на более мелкие княжения, а те, в свою очередь, постепенно обнаруживают склонность к новым междуплеменным образованиям. Так первоначальные племенные группы, числом три, разбились на ряд более мелких летописных племен, а те затем стали превращаться в летописные же, несколько более поздние «земли». Киево-Полянская Русь своим появлением на Днепре и походами сделала новый этап в истории государственности на Руси, произведший в XI — начале XII века попытку создать большой государственный союз, объединенный общностью.

военной организации и торгово-экономических интересов, связанных с Балтийско-Днепровским путем. Но этот новый тип государства на Руси не был всецело вынесен с юго-востока, — юго-восточное влияние было лишь одним из факторов нового государственного порядка, объединившегося с местными факторами. В числе последних были: влияние Дунайской Болгарии и вообще славянских земель и Византии; открытый и использованный, не без связи с военными операциями в юго-восточной Руси, путь «из Варяг в Греки», все значение коего, однако, было подсказано пришельцам на месте, и другие. Однако, не следует преувеличивать ни значения варяго-греческого пути, ни силы и могущества Киевской «державы» X—XII веков. Кроме данного пути, далеко не привлекавшего к себе всего Восточного Славянства, параллельно существовали и имели тогда же свое значение на той же территории пути и западно-двинский, и волжский, и донской, и ведущий на запад припятско-бужский. Точно так же в XI—начале XII века, в момент силы и значения Киевского княжества, ряд восточно-славянских племен стоит в большой изолированности от Киева, живет своей жизнью. По существу, в связи с генезисом нового государства, в нем играют роль три силы: торгующие инородцы — «гости» — греки, евреи, арабы и т. п.; пропитанная духом и склонностями степных кочевников княжеская дружина и старая земледельческая деревня. Две первых новых силы, в общем пришедших, по существу действовали более или менее солидарно ¹⁾ и создали большой торговый город — Киев — и еще несколько городов, к нему приближающихся, приспособили к своим понятиям и интересам местное обычное право — «Русскую Правду» ²⁾, — создали довольно богатую городскую культуру, но они не смогли устроить «примитивно-торгового государства» в целом: старая племенно-земледельческая деревня («смерды») жила своею обособленной жизнью, не понимая чуждого ей города, не переплетая своих интересов с городскими и порою враждебно против него выступая, — в этом смысл киевских движений 1068, 1113 г.г. ³⁾ и др. В этом прежде всего лежала и причина неудачи взятой на себя Киевским государством задачи, и причина того, что восточно-славянские

¹⁾ Эта солидарность была относительной, так как духовенство и более уравновешенные торговые элементы не могли особенно сочувствовать той роли, какую играли в княжеских делах степняки, — срвн. у П. В. Голубовского — «Печенеги, Торки и Половцы», стр. 170 — 171; однако, более или менее местные элементы в моменты, подобные 1113 г., объединяли в одно целое и торгующих инородцев, и княжых мужей, и богатое духовенство.

²⁾ «Русская Правда» в основе своей имела очень древнее местное обычное право — может быть VII—IX веков, — срвн. у Гетца «Das russische Recht», ч. I, Штуттгарт, 1910 г.

³⁾ См. данные в упом. работах Покровского, Святловского, Довнар-Запольского, также у Рожкова и др.

племена не спаялись воедино новой государственностью. Идеология большого торгового города, жившего за счет пути «из варяг в греки», благодаря ему попавшего под разные влияния— и прежде всего византийско-церковное— и мечтавшего при помощи этого же пути господствовать в Восточной Европе, — эта идеология сказалась в тогдашней киевской письменности вообще и в «Повести временных лет» в частности, красками этой идеологии расцветившей свои рассказы о местной старине — по преданиям и припоминаниям. Но мечта не стала действительностью: влияние Киева не пошло дальше и глубже торговых путей, не задело глубины народной жизни, и интернациональный город, не создав большого государства, пал, как только общая ситуация подорвала значение вскормившего его пути, а династия этого города до самого татарского нашествия так и не вышла в общем из роли конкурентов Печенежских и потом Половецких ханов. Что же касается пришлых элементов, то они постепенно ассимилировались с давним поднепровским славянским населением юго-западной группы: различие «руси́на» и «славянина», еще очень заметное в XI веке, в XII—XIII веках утратилось совершенно, в связи с чем и имя «Русь» распространилось по всей восточно-славянской территории.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Главы.	Стран.
I. Призвание Варягов 862 г.	5
II. Иностранные известия о Руси IX — X в.в.	8
III. Летописное известие 859 г. о двух группах восточно-славянских племен.	11
IV. Летописные данные о третьей группе Восточных Славян.	14
V. Распределение летописных племен по трем группам; вопрос о возможности четвертой группы	17
VI. Восточное свидетельство о трех племенах Руси	20
VII. Археологические данные о племенных группах у Восточных Славян	23
VIII. Данные языка о делении Восточного Славянства на три части	25
IX. Вопрос о моменте такого расслоения Восточного Славянства	28
X. Образование трех групп Восточного Славянства	30
XI. Передвижения северной племенной группы	33
XII. Юго-западная группа в эпоху VIII — IX в.в.	36
XIII. Юго-восточный хозарский союз.	39
XIV. Передвижения кочевников в IX в.	42
XV. Значение борьбы Полян с Древлянами	44
XVI. Археологические данные о борьбе на Днепре в эпоху около IX — X в.в.	47
XVII. Связь левобережного населения Поднепровья с Полянами.	49
XVIII. Данные о юго-восточной ветви Восточных Славян	51
XIX. Имя «Русь»	54
XX. Следы юго-восточного происхождения Полян	57
XXI. Юго-восточные влияния на тип населения, язык и т. п.	60
XXII. Экономические влияния и антропологический тип племенных групп	63
XXIII. Общая картина расселения Восточных Славян	65
XXIV. Значение летописного рассказа о Мстиславе Тмутараканском	68

Главы.	Стран.
XXV. Поход Игоря и борьба его на Днепре	70
XXVI. Олег по данным «Повести временных лет» и «Начального свода»	73
XXVII. Древне-еврейский документ об Олеге	75
XXVIII. Договор Олега с Византией	77
XXIX. Северные черты в Олеге	79
XXX. Поход Олега и Игоря против Аскольда и Дира	81
XXXI. Рюрик и другие местные князья	83
XXXII. Начало развития пути «из Варяг в Греки»	85
XXXIII. Ольга	88
XXXIV. Походы Святослава	90
XXXV. Сыновья Святослава	93
XXXVI. Движение Владимира с Норманами из Новгорода в Киев	95
XXXVII. Главные черты деятельности Владимира в Киеве	97
XXXVIII. Значение княжения Владимира	99
XXXIX. Киево-Новгородские отношения эпохи Владимира и Ярослава	101
XL. Ростово-Муромо-Суздальская земля той поры; Добрыня	103
XLI. Вопрос о князьях — сыновьях Владимира	105
XLII. Ярославли внуки	108
XLIII. Характер Киевской государственности X — XII в.в.	111

Цена 90 коп.

